

188
См. 53-55
гос. о. Ленинград

Искорка

6

ЛЕНИЗДАТ ★ 1957

ДАЁМ ПИОНЕРСКОЕ СЛОВО

Слова А. Чуркина

Музыка В. Сорокина

Умеренно

1. Сло- жи- ли мы но- ву- ю

пес- ню, и друж- но е- ё за- по- ём

го- ро- де на- шем боль- шом и чудес- ном, о дет- стве счаст- ливом сво-

ем. го- ро- де на- шем боль- шом и чудес- ном, о

дет- стве счаст- ливом сво- ем.

2. Рас- . бить!

2. Растём мы, тревоги не зная,
И даль перед нами светла.
Большое спасибо,
Страна дорогая,

} 2 раза

3. Свободу отцы отстаивали
В огне и в дыму баррикад,
Не раз они грудью
Своей защищали
Наш город родной, Ленинград.

} 2 раза.

4. Они шли с горячею верой
Сквозь бури суровых годов.
Клянёмся, что будем,
Друзья-пионеры,
Достойными славных отцов!

} 2 раза

5. На Ленина, всем нам родного,
Стремимся похожими быть.
Даём, пионеры,
Заветное слово —
Отчизну беречь и любить!

} 2 раза

Искорка

Год издания I

№ 6

Июнь 1957 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и
Горкома ВЛКСМ

23 ИЮНЯ 1957 го-
да Советская
страна отмечает 250-летие
Ленинграда.

Наш город возник на
исконно русской земле, ос-
вобождённой от иноземных захватчиков. По
велению царя Петра I город, сооружённый на
привесских болотах и топях «рабочими
людьми», стал крепостью. Пётр настойчиво
добивался того, чтобы «ногою твёрдой стать
при море», — через Балтийское море торго-
вать с зарубежными странами, чтобы все
флаги в гости были к нам.

Много замечательных людей жило в на-
шем городе.

В Академии наук работал великий сын
русского народа М. В. Ломоносов. Выдающийся
математик Чебышев, астроном Бредихин,
химик Менделеев, электротехник Яблочков,
изобретатель радио Попов, хирург Пирогов,
великие физиологи Сеченов и Павлов и мно-
гие другие передовые учёные трудились в
нашем городе. Они внесли огромный вклад
в отечественную и мировую науку. В Петер-
бурге слагали свои вдохновенные стихи
Пушкин и Лермонтов, создавали музыкаль-
ные произведения Глинка, Мусоргский, Боро-
дин, Римский-Корсаков, Чайковский.

Богатыри русской живописи Суриков и
Репин прославили город, страну своими ге-
ниальными картинами.

В архитектурный облик Петербурга вло-
жен вдохновенный труд, талант и мастер-
ство народа, труд мастеров русского зодче-
ства Захарова, Баженова, Растрелли, Ворони-
хина, Стасова, Росси.

Вслед за основанием города в нём возникла
и промышленность — судостроительные вер-
фи, литейный, смоляной и канатный дворы,

Наш Ленинград

пороховые и кирпичные за-
воды, а также один из пра-
дедов нашей индустрии —
Ижорский завод. Позднее
строятся Путиловский, Се-
мянниковский, Балтий-
ский, Обуховский и другие заводы. На них
с утра до вечера, по многу часов в день, в
сырых, тёмных помещениях трудились не
только взрослые, но и дети.

На петербургских окраинах появились
жалкие лачуги — жильё рабочих.

В Петербурге в конце XVIII века смело
поднял свой голос против самодержавия и
крепостничества замечательный писатель Ра-
дищев. Вслед за Радищевым возникает дви-
жение революционеров из дворян — декаб-
ристов.

В Питере, как обычно называли свой город
рабочие, в героической борьбе против царя,
помещиков и капиталистов выковывалась мо-
гучая революционная сила. Здесь среди пи-
терских рабочих развернул революционную
деятельность великий Ленин.

Трудовой народ пошёл за Владимиром
Ильичём Лениным в огонь революционной
борьбы, победно пронёс сквозь грозы трёх
революций знамя ленинизма и построил
первое в мире социалистическое государство.

За годы Советской власти Ленинград стал
городом социалистической индустрии и тех-
нического прогресса, городом передовой совет-
ской культуры.

• Вместе с героическим советским народом
трудящиеся города Ленина, руководимые Ком-
мунистической партией, прошли славный
путь борьбы и побед.

Ленинград

год 1977-й...

—□—

(Рассказ Игоря Ивановича Фомина,
заместителя главного архитектора г. Ленинграда)

В ЭТИ торжественные дни, когда вся наша страна отмечает 250-летний юбилей славного Ленинграда, кто из вас, юные друзья-ленинградцы, не хотел бы знать о его будущем? Как хорошо было бы, скажем, заглянуть лет на двадцать вперёд, очутиться в городе Ленина в 1977 году! Каким он станет, этот вечно юный город-герой? Что в нём воспевать поэтам, что рисовать художникам?

Словом, очень хочется совершить путешествие в будущее.

Попробую помочь вам в этом. Правда, у меня нет фантастической машины времени, о которой писал Герберт Уэллс. В моём распоряжении имеется лишь план развития Ленинграда, да ещё множество мыслей, которые возникали у нас, архитекторов и строителей, во время горячих споров при обсуждении этого плана. Но крылатая фантазия, — разве она не поможет нам с вами перенестись на двадцать лет вперёд?

Итак, все, кто умеет мечтать, представьте себе, что мы уже в 1977 году. Голубое июньское небо над Ленинградом, и в этом небе парим мы с вами на серебристых вертолётах. С чего нас угораздило туда забраться? Но не забывайте, что сейчас 1977 год, и один из распространённых видов современного транспорта — вертолёты. Правда, мы могли бы промчаться по улицам города на автомобилях, но вертолёты всё-таки удобнее: мы видим город и с птичьего полёта, и можем спускаться вниз, и останавливаться в воздухе, либо просто подлетать к окну любого дома и любезно беседовать с хозяевами. Итак, возражений по поводу избранного нами средства передвижения нет? Тогда — летим!

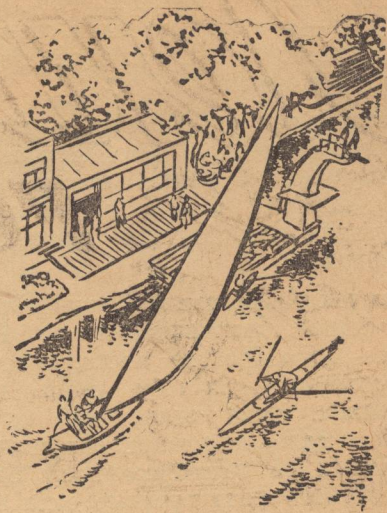

Давайте взглянем сначала на южный въезд в город, со стороны Пулковских высот, где находится знаменитая на весь мир обсерватория. Но, постойте, может быть, пилот ошибся и отвёз нас куда-нибудь на Карельский перешеек, весь утопающий в зелени? Нет, пилот хранит невозмутимое спокойствие, значит, всё в порядке. Мы кружимся над Пулковом. Под нами пышное кружево садов, в огромном парке утопают здания обсерватории. Когда-то, лет 35 назад, «прошёлся» здесь огонь Отечественной войны, уничтожил столетние рощи. И вот они снова кудрявятся на склонах знаменитых высот, где в далёком-далёком 1918 году обороняли красногвардейцы революционный Питер. Здесь разбит новый Ботанический сад с множеством наших и заморских растений. Весь этот зелёный убор — не просто украшение Пулкова, он защищает обсерваторию от ветров и воздушных течений. Зачем это нужно? Воздушные потоки мешают наблюдать звёзды — их изображения в астрономических приборах как бы «дрожат».

Гигантский радиотелескоп — вот гордость Пулкова! Почти на километр протянулось антенное устройство нового телескопа, принимающего радиосигналы далёких миров. Вот таким огромным «глазом» смотрит обсерватория в межпланетное пространство, постигая его тайны.

И ещё одно «чудо» есть в Пулкове. Лет двадцать назад мы могли бы с вами побывать в одном таинственном подземелье в склоне Пулковской горы. Здесь были установлены сверхточные часы — эталон времени. А сейчас вместо старых часов здесь действуют новые — атомные. Может быть, нам с вами в жизни такая сверхточность и не нужна, но астрономам она очень помогает в их наблюдениях за звёздами и планетами.

А что это за гранитная лестница, поднимающаяся от шоссе к обсерватории? Она состоит из множества ступеней и идёт строго с юга на север по Пулковскому меридиану. Раньше здесь была скромная деревянная лестница, а теперь это величественное сооружение из гранита, поставленное на века.

Его украшает памятник героям былых сражений с фашистами.

...Продолжаем наш полёт, движемся на север, вдоль Пулковского меридиана. Смотрите, сколько садов выросло на южных подступах к городу! Слово плывут под нами нескончаемые зелёные облака, облитые солнечными лучами. А ведь двадцать лет назад здесь было голое, пустынное место. Вот надвигается на нас огромный парк, ограниченный с двух сторон Московским и Киевским шоссе. Блещут между деревьями безмятежные озёра. Впрочем, безмятежность эта только кажущаяся — стремительные лодки рассекают прозрачную воду. Наверно, здесь сейчас проходят очередные спортивные соревнования — ведь парк-то спортивный!

Вот и пересечение Киевского и Московского шоссе. На их стыке — площадь. Это, как говорится, южный парадный въезд в Ленинград. Как красива эта новая площадь! В центре — строгий, могучий монумент в память победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Широким кольцом окружили его лёгкие, стройные здания. Отсюда убегает вперёд ровная стрела Московского проспекта. На нём уже не слышно грохота трамваев, трамвайные пути давно сняты. Пассажиры, выходящие из дверей новой станции метро, ша-

гают дальше по бульварам, обсаженным деревьями, доходят до другой площади — с величественной громадой Дома Советов, с новыми зданиями институтов и музея.

Минуем ещё одну площадь, где выстроен новый театр. Пойдите, пойдите, но откуда здесь взялся новый рукав Невы, который с востока на запад перерезал всю южную оконечность Ленинграда?

Это так называемый Южный Обводный канал, вытекающий из Невы южнее Володарского моста. Этот канал сооружён для того, чтобы наша красавица Нева стала ещё краше. В самом деле, вспомните, как двадцать лет назад её величавые воды бороздили разные неприглядные суда и судёнышки — баржи, гружённые ящиками, брёвнами, углём, крикливые, суматошные буксиры, пароходики и пароходишки. Всему этому дорога сейчас — через Южный Обводный канал. А Нева — для могучих океанских кораблей, для белоснежных прогулочных яхт, для пассажирских электроходов и атомоходов!

Вот один из таких бесшумных гигантов направился к выходу в море. Последуем и мы за ним, взглянем на Ленинград с другой стороны — с севера и с запада, посмотрим на второй въезд в город — морской.

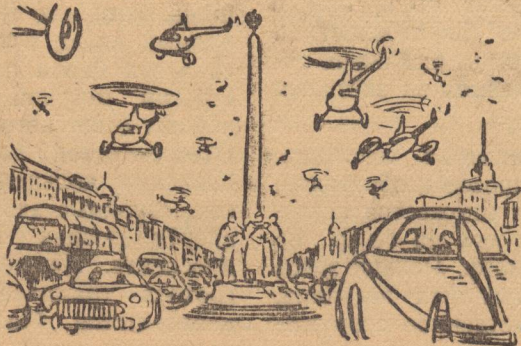
Двадцать лет назад, в 1957 году, у нас, по сути дела, не было морской набережной. А сейчас в западной части Васильевского острова раскинулась такая набережная. О гранитную стену плещутся морские волны, но набережная не выглядит суровой — к ней подступает весёлая зелень парка. А это строгое и в то же время изящное, с лёгкими, стройными очертаниями здание — морской вокзал. К нему причаливают океанские корабли, многочисленные пассажиры отдыхают в его просторных залах. Он находится как

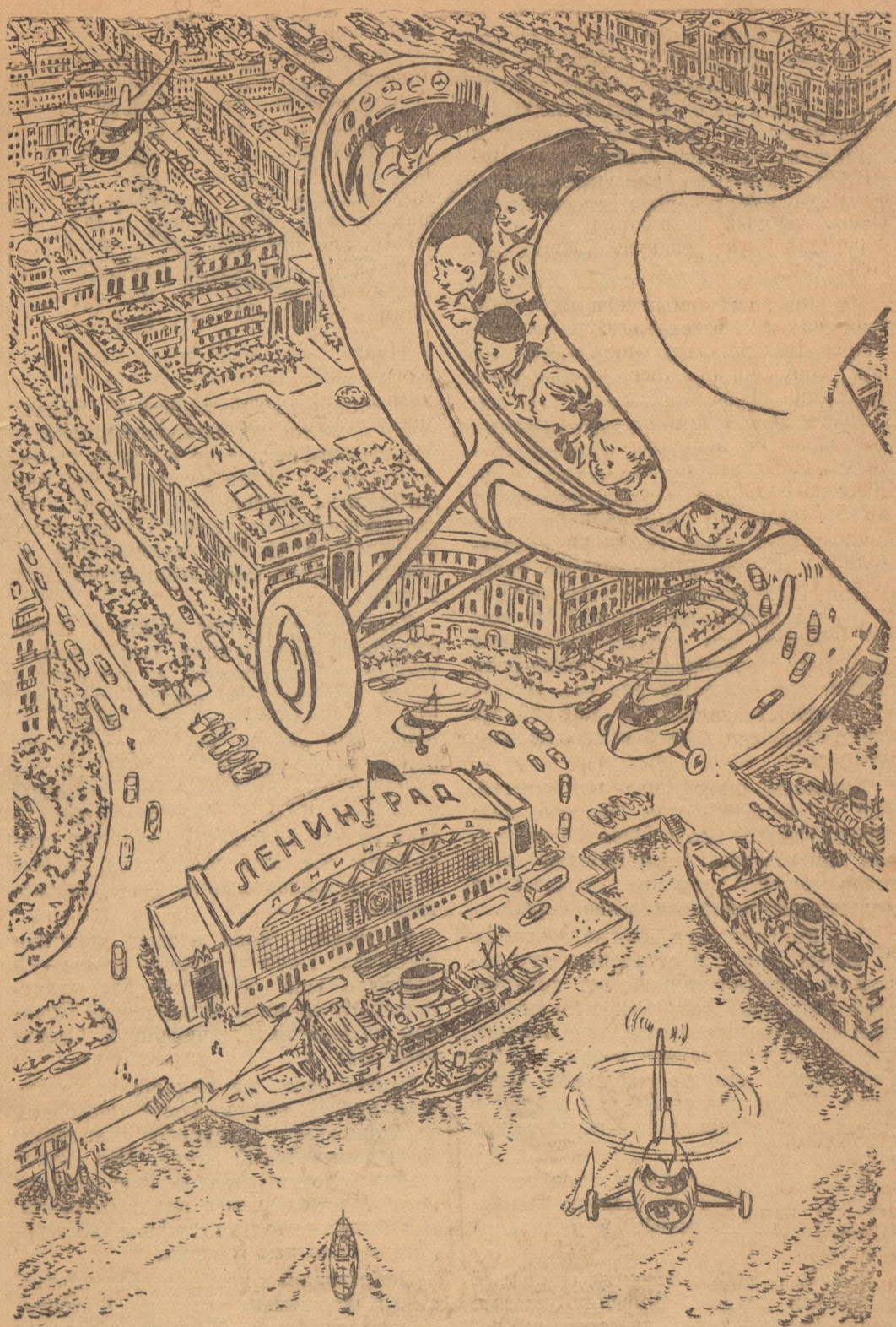
раз в конце Большого проспекта, и именно по этому нарядному проспекту помчатся машины с нашими гостями. А ведь раньше как бывало? Ленинград великолепен, но тот, кто приехал подивиться на его красоту, отправлялся из порта по проспекту Огородникова и другим, не очень благоустроенным улицам. Теперь путь наших гостей лежит по Большому проспекту к Университетской набережной, к зданию бывшей Биржи и другим прекрасным сооружениям и местам в центре города.

Наши вертолёты снижаются над Крестовским островом. Вот и он, знакомый каждому футбольному болельщику стадион имени С. М. Кирова. Но ведь среди вас есть, наверно, и любители водного, велосипедного и теннисного спорта? В таком случае и они могут поболеть, как говорится, без отрыва от вертолёт: прямо под нами протянулся двухкилометровый гребной канал, с открытыми и закрытыми плавательными бассейнами, где проходят самые различные виды водных состязаний. Здесь есть и новый велотрек, по которому мчатся велосипедисты, и теннисные корты, и тренировочные футбольные поля. Впрочем, не мы одни можем переживать все волнующие моменты этих состязаний: вдоль берегов канала, у различных спортивных сооружений протянулись трибуны для многих тысяч зрителей...

Между Крестовским и Васильевским островами зеленеет остров Вольный. На нём разрослась центральная база Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. Вы видите новое здание яхтклуба, гавань для яхт и гребных судов и другие новые сооружения.

Если прибавить к этому, что спортсмены «освоили» и северный берег Финского залива, то станет ясно, каким широким фронтом вышел теперь Ленинград к морю. Это как бы могучий морской фасад го-

рода. Но почему здесь так много создано для спорта? Не забывайте, что партия и правительство всегда заботились и заботятся о гармоническом развитии человека — всех его духовных и физических качеств. Ленинградцы хотят быть здоровыми, смелыми, сильными, а что, как не спорт, способствует этому?

Чем же ещё можно порадовать вас в Ленинграде 1977 года? Товарищ пилот нашего флагманского вертолёт, поверните всю эскадрилью на восток!

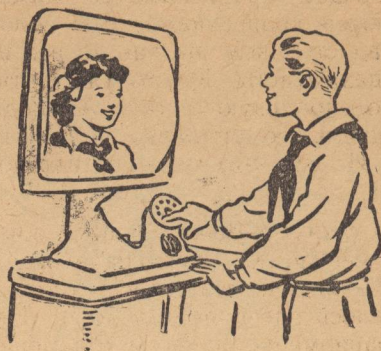
Под нами снова Нева. Смотрите, вот здесь, на подступах к Калининскому и Невскому району, кончались её нарядные набережные с великолепными зданиями и начинались дымные трубы фабрик и заводов, чередуясь с пустырями и редкими, почерневшими от копоти зданиями. Как преобразился этот рабочий район Невы! Нескончаемым рядом тянутся жилые дома, сады, скверы. Прозрачен и чист здесь воздух. А где же прогорклые дымы? Их нет! Не забудьте, что сейчас «топливом» для всех предприятий Ленинграда служит электричество или газ. Ну да, тот самый газ, который ещё 20 лет назад шумел только в ваших квартирах!

Вспомним также, что исторически, ещё со времён Петра Первого, наш город строился вдоль Невы. И нынешние архитекторы последовали этой исторической традиции, продолжая дальше застраивать невские берега.

Давайте спустимся пониже, к одному из новых домов, и остановим наш головной вертолёт у окна вот хотя бы этой квартиры. Хозяйка, выглядывающая из окна, уже догадалась, наверно, что мы напрашиваемся к ней в гости. Она готова принять нас даже через окно. Но мы приземлимся и войдём в двери, как и полагается культурным людям.

Эту квартиру занимает одна семья. Сейчас, в 1977 году, каждая ленинградская семья живёт в отдельной квартире.

Зайдём в любую комнату, окинем её хозяйским глазом. Большие светлые окна, стены — таких же светлых, радостных тонов. Ой, здесь зимой, наверно, холодно: нет батарей централь-

ного отопления! Успокойтесь! Отопление в комнате так называемое панельное, оно вмонтировано в толщу стены. А это что за экран на стене? Вы уже догадались: хозяева смотрят на нём телевизионные передачи. Он изрядных размеров, и цветное изображение на нём получается такое же отличное, как в кино.

Заглянем в другую комнату. Здесь парнишка, по-видимому, сын хозяйки, удобно расположился в шезлонге в одних трусиках. Он немного прихворнул, врачи запретили ему выходить на улицу. Но как же не позагорать на июньском солнце! И хотя окна плотно закрыты, молодой человек изрядно почернел. Дело в том, что стёкла в этих окнах необыкновенные: они пропускают все солнечные лучи, в том числе и живительные ультрафиолетовые!

На дворе — жара, а здесь приятная прохлада. Почему? Очень просто — в квартире есть установка для искусственного климата. Воздух сух? Добавим влажности. Стало душно? Озонирuem его!

Может быть, вы желаете позвонить кому-нибудь по телефону? Извольте, в коридоре установлен аппарат. Набираем нужный номер. Что такое? На нас смотрит весёлое лицо собеседника. Мы пользуемся видеотелефоном, мы можем не только слышать, но и видеть того, с кем говорим.

Поблагодарим хозяев за гостеприимство и покинем их квартиру. Взглянем на дом ещё раз. У него... плоская крыша, да не железная, а бетонная! На этой крыше — сад. За лёгкой, проч-

ной оградой прогуливаются мамы с детскими колясочками. Вот склонились над столиком пыльные во все времена шахматисты. Кто-то уже натягивает волейбольную сетку. А поодаль на специальную площадку садится вертолёт. И всё это — на пятиэтажной высоте!

Вот таких замечательных жилых домов сейчас в Ленинграде множество. Вообще же жилищное строительство велось здесь не только по Неве, но и равномерно по всем отдалённым от центральной части города районам. Трудящиеся работают на заводах и фабриках, расположенных в этих отдалённых районах, — вот, чтобы избавить людей от дальних поездок, и сооружены здесь жилые дома — в Автострое, Дачном, Новой Деревне, на Васильевском острове и в других местах. А в центре города? Он уже давно застроен, здесь лишь благоустраиваются сами жилища.

Знаете, почему так быстро выросли новые дома? Они не только возведены из крупных блоков и панелей, но и сам-то строительный материал другой: крыши — из бетона, а стены — не из кирпича, а из новых, облегчённых материалов. Это уменьшило вес зданий, ускорило строительство, улучшило их тепловую изоляцию.

Куда ещё нам слетать в этот погожий денёк? Может быть, вас интересуют новые станции метро? Их стало куда больше, чем раньше. Подземные тоннели пролегли от самой южной точки города — Средней Рогатки до Васильевского острова, от Финляндского вокзала — к Приморскому парку Победы, к Поклонной горе, протянулись и во многих других направлениях.

И вообще, посмотрите, как изменился весь транспорт Ленинграда! Куда девались трамваи? Последний из них вы найдёте в музее — стой здесь навечно, старичок! Нескончаемый поток автомобилей, среди них есть, по-видимому, и с атомными двигателями, неслышно шуршит шинами по мостовым. Вот, вырвавшись из черты города, некоторые из них устремились к линии электрической железной дороги. По ней как раз мчится электропоезд. Как с ним разминуться? Неужели стоять у закрытого

шлагбаума? Но нет, машины без остановки пронеслись по подземному проходу под линией железной дороги!

Вертолёты пересекают небо из конца в конец, речные трамваи стремительно скользят по Неве и её разветвлениям. Выбирай любой вид транспорта, отправляйся, куда тебе угодно!

...Мы кружимся над новыми мостами, памятниками, огибаем высоченную, трёхсотметровую, антенну нового телевизионного центра — она выше, чем знаменитая башня Эйфеля в Париже! Спускаемся к каналам. Как прозрачна и хрустально чиста в них вода! Да, двадцать лет тому назад у нас ещё не было современной канализации: все сточные воды уходили в городские реки и каналы, загрязняя их. Теперь метростроевцы проложили для сточных вод подземные пути и через очистительные устройства вывели эти воды прямо к морю. Вот откуда прозрачный хрусталь наших рек!

Нам осталось посмотреть самое, пожалуй, любопытное. Что сделано за эти двадцать лет для детей?

Направимся к месту, где раньше помещался ипподром. Здесь сейчас — Центральный парк Фрунзенского района. В той его части, которая ближе к Загородному проспекту, в тени деревьев светлеет здание нового театра. Из его распахнутых дверей выливается поток детворы. ТЮЗ! Это новое здание Театра юных зрителей — первое здание в Ленинграде, построенное специально для ребят!

Посмотрим на другое сооружение с таким же «специальным назначением» — на детскую железную дорогу. Она проходит сейчас от Новой Деревни до Удельной.

Настала пора, пожалуй, отдохнуть от полёта и пересесть в вагоны этой железной дороги. Сигнал важной девчушки — начальника станции, и поезд двигается.

— Куда мы едем, товарищ проводник?

— В зоосад.

— В зоосад? Но ведь он же находится совсем в другом конце города!

На лице у проводника — по-видимому, довольно ядовитого парнишки —

пренебрежительное выражение: мол, тоже ленинградцы, — город как следует не знают! Но извиним его: он ведь не догадывается, что мы прибыли сюда из 1957 года.

Поезд остановился.

— Станция Удельная!

Выходим — и сразу попадаем в какое-то необыкновенное «царство-государство». Что это? Индия? Как будто нет. Но откуда же здесь тропические джунгли? Вдали трубят слоны. Вот один из могучих стволов обвила громадная змея... Пробираемся по лесным переходам и попадаем в Африку. Крокодилы высовывают зубастые пасти. Полчаса спустя добираемся до лесистых гор Азии. Хищный тигр удивлённо смотрит на пришельцев: кто дерзнул нарушить его покой?

Вот какой это чудесный зоосад! Здесь звери и птицы обитают в тех самых условиях, в каких они привыкли жить у себя на родине. Наша прогулка здесь вполне безопасна. Впечатление от такого зоосада огромное.

Мы снова на вертолётах. Есть у нас в запасе ещё одно развлечение. Чтобы им воспользоваться, вернёмся ещё раз на Крестовский остров. Здесь, в северной его части, — новое ребячье царство! Круто взмывая вверх, проваливаясь куда-то вниз, лихо заворачивая в сторону, несутся маленькие вагончики. Это — «весёлые горы» — замечательный, смешной аттракцион. Ну, а самым отважным предлагаю взлететь

в воздух вот в этом гигантском — 50 метров в диаметре! — «чёртовом колесе»...

А теперь летим в Артек. Ну да, в самый настоящий всесоюзный приморский пионерский лагерь! Не тот Южный знаменитый Артек, что раскинулся на берегу Чёрного моря, а в не менее знаменитый — Северный.

Наша эскадрилья снижается над Карельским перешейком, в том месте, где в Финский залив впадает Чёрная речка. Смотрите, внизу уж зажгли приветственный костёр! Низко-низко проходим над лесными полянами, над лёгкими белокрылыми зданиями, над чёткими прямоугольниками спортивных полей и площадок. Обратите внимание на этот дом — здесь детский театр, а вот клуб с большим зрительным залом, дальше — закрытый плавательный бассейн. Вон от лодочной станции отправляется в плавание ребячий флот... Пройдёт лето, ударит зима, но и тогда здесь будет шумно и весело: артековцы станут на лыжи, понесутся с гор на финских санях, помчатся по ледяной глади катков на «хоккейках» и «бегашах». Круглый год действует Северный Артек, зимой и летом куёт он здоровые ребята! А их тут немало — 2000 человек! Со всех концов страны съехались в эту новую пионерскую здравницу юные гости. Славный подарок преподнесла Родина своим детям!

Новые стадионы и спортивные площадки, школы-интернаты и детские сады — вот что сделано для ребят в Ленинграде за эти 20 лет!

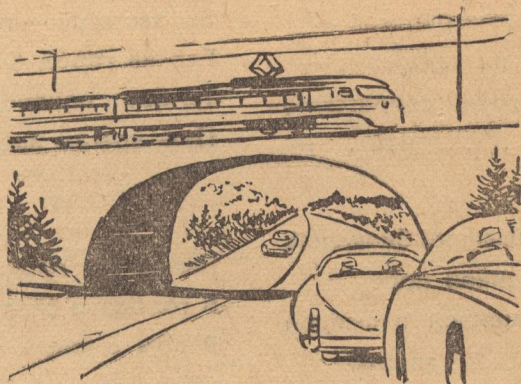
...Наше путешествие приближается к концу. Давайте на прощанье побываем у одного из новых памятников, что выросли за эти годы.

Ильич... Он стоит на площади Восстания, мудрым и спокойным взглядом смотрит на город, названный его бессмертным именем. И на вас смотрит, друзья мои, на вас, гостей из двадца-

тилетнего прошлого! Ведь вам, будущим юношам и девушкам, возводить те сооружения, о которых я рассказывал, вам возвеличивать славу Отчизны, родного Ленинграда.

Так растите же умелыми и знающими, готовьтесь выполнить великие задачи творцов, строителей, созидателей нового!

Записал Г. КНЯЗЕВ
Рисунки Ю. ЛОБАЧЁВА

НАРВСКАЯ ЗАСТАВА

Небосклон над корпусами синий,
Облаков торжественный полёт...
Старой, большевистскою твердыней
Высится здесь Кировский завод.

Мы — питомцы славы

ленинградской —

Битвы не забудем ни одной...
И не зря, как на груди солдатской,
Ордена горят над проходной...

Помним город, скованный блокадой,
И о той прославленной поре
Нам напомним каменной громадой
Обелиск на заводском дворе.

На граните, битвой опалённом, —
Надпись про бессмертные дела:
Линия железной обороны
В сорок первом через двор прошла...

И её в рядах своих солдатских
По полям израненной земли
От ворот родных и близких —
Нарвских —
Мы до Бранденбургских довели.

За заставой — поле. Поле славы,
Где за город бились стар и млад...
Ты была поистине заставой,
Путь врагам закрывшей в
Ленинград...

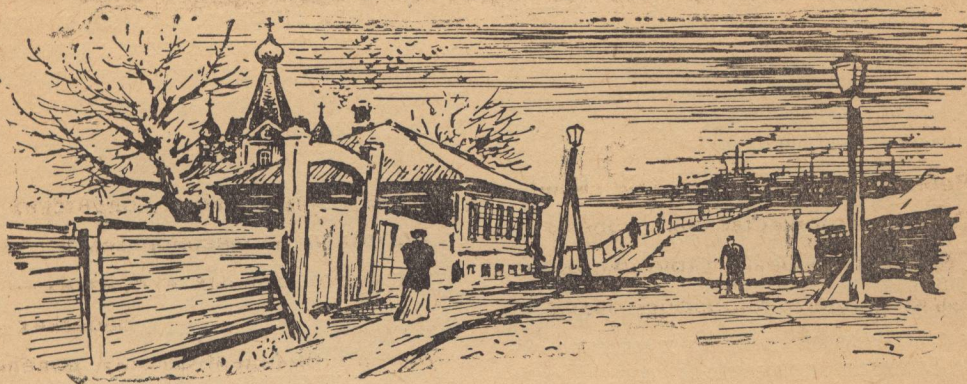
Нынче тут проходят эшелоны...
В города и сёла — их маршрут.
Рядом с юным токарем — учёный...
Оба счастье Родины куют.

И несутся песни из эфира
Про бульвары, юные всегда...
И сегодня ты — застава мира,
Бастион великого труда...

ПТИЧИЙ ПРАЗДНИК

(Записки ученика Петербургского городского училища)

Я СЧИТАЛ себя уже большим, так как перешёл в третий класс городского училища, но родители по-прежнему заставляли меня надевать ненавистный башлык на голову по-«девчонски», напяливать до самых бровей. На лестнице я развязывал башлык и надевал по-своему — на уши, как носили солдаты. Всё же в одном меня уже признавали взрослым: я один, без всяких провожатых, ездил по большим праздникам к тётке Ане. Тётя Аня жила на Большой Охте, и добираться к ней, особенно зимой, нужно было часа полтора: сначала на трамвае до Смольного, а потом пешком через Неву, по мосткам — скрипучим доскам на сваях, вколотых в лёд.

На середине Невы мороз был ещё свирепее, ветер задирал полы пальто. Пешеходы, съёжившись, шли быстро-быстро, и под их шагами неумолчно скрипели мёрзлые доски. Летом здесь был перевоз: ходили пароходы, окрашенные в тёмно-зелёный цвет, — «щитовские». Все знали, какая катастрофа разыгралась на этом перевозе в ледоход. Купчишка Щитов из жадности пустил свои пароходы раньше времени, когда лёд ещё не прошёл. Поздно вечером щитовский пароход «Архан-

гельск», перегруженный пассажирами, охтинскими жителями, пробираясь сквозь сплошной лёд, на самой середине Невы получил пробоину и затонул.

Зимний перевоз прежде существовал на Дворцовой набережной. Здесь, от самого моста до набережной Петербургской стороны, ходила по льду электричка с колёсным бугелем. Кроме того, от Зимнего дворца, как раз напротив Петропавловской крепости, была ледяная дорожка, обсаженная по краям ёлочками. По этой ледяной дорожке бородатые мужики на коньках, надетых на валенки, возили на Петербургскую сторону одноместные деревянные кресла с обшитыми железом полозьями. Перевоз стоил пятачок. На Охте пятачки были дороги, здесь ходили через Неву пешком.

Тётя Аня жила на заднем дворе, в однокошечной халупе. Рядом с халупой, за забором, высилась церковь, заслонявшая свет, поэтому в комнате всегда стояли сумерки.

Тётя Аня была вдовой, — торговала старьём на рынке. Покупала всякую заношенную, затёртую рвань, мыла её в растворе, составленном по своему собственному рецепту, сушила,

штопала, утюжила, и вещи из её рук выходили будто новыми. В этой женщине сидел художник-реставратор. Закоченевший, я стучал в маленькое оконце халупы. Сейчас же отворялась обшарпанная дверь и появлялась улыбающаяся

тётя Аня. Она разматывала мой башлык, усаживала меня поближе к печке и начинала расспрашивать про домашних, про училище, про отметки. Расспрашивая меня, тётя Аня принималась готовить угощение, которое можно было найти только у неё: домашняя колбаса с квашеной капустой.

Колбаса жарилась целиком, целым кружком: она разбухла, и при малейшем прикосновении ножа к коже оттуда брызгал ароматный сок. После угощения наступало самое скучное для меня — чтение газеты вслух. Тётя Аня любила слушать только про политику, про Государственную думу, про дипломатов. О пожарах и убийствах, что, по моему мнению, было самым интересным в газете, тётя Аня никогда не слушала, велела пропускать. После каждой статьи или речи депутата она принималась истолковывать прочитанное, выискивая скрытый, одной ей понятный смысл.

Я слушал её и ничего не понимал, но тёте Ане ничего другого и не требовалось: ей нужен был слушатель, всё равно какой. Иногда чтение прерывалось стуком в окно. Тётя Аня выходила в сени, с кем-то разговаривала там, лазала по приставной лесенке на чердачок и возвращалась в комнату.

— Принесли товар, — объясняла она. — Ну, ну, читай дальше, что там сказал этот министр.

Уходил я от неё, когда на мостках через Неву уже горели керосиновые фонари.

Раз или два в год, не чаще, тётя Аня приходила в гости. На ней было тёмное длинное платье, расшитое блестящим чёрным бисером, который переливался искорками при каждом движении. Высокая, она казалась важной дамой, и никто бы никогда не поверил,

что она торгует старьём на рынке. Казалось, эта женщина ничем другим и не должна интересоваться, как только министрами и депутатами. Когда кто-нибудь заводил речь о политике, тётя Аня поднимала палец вверх, к потолку, и таинственно произносила: «Тише, тише, тише, тише, Николай Второй на крыше», намекая этим на шнырявших повсюду сыщиков. Мне ясно представлялось, как Николай Второй, в короне и мантии, со скипетром и державой в руках, стоит на крыше, склонив ухо к дымовой трубе, и слушает, о чём говорят в квартире.

Однажды тётя Аня явилась прямо из рынка, в большом платке, заматанном вокруг пояса, с целым ворохом своего товара. Захлопнув за собой дверь, она долго стояла, прислушиваясь, не идёт ли кто по лестнице, потом обернулась и сказала:

— Завесьте чем-нибудь окно.

Отец с матерью переглянулись. Тётя Аня продолжала стоять между дверьми.

— Завесьте чем-нибудь окно, — настойчиво повторила она. — Меня могут увидеть с той стороны, с крыши.

Я удивился. Кто станет лазать на крышу, чтобы увидеть тётю Аню?

Однако мать сняла со стола скатерть и завесила ею окно.

— Покажите, где можно спрятаться, — сказала тётя Аня. Она осмотрела все закоулки в квартире и выбрала чулан в коридоре. — Здесь будет хорошо. Я

спрячусь в чулан, а вы заставьте дверь этим шкафом. Они не догадаются, что здесь чулан.

Мать хотела что-то спросить, но отец, стоя за спиной тёти Ани, приложил палец к губам, и мать промолчала.

Часов в десять вечера, перед тем как лечь спать, я пошёл погулять с Биком — фокстерьером. Бика нельзя было выпускать одного на улицу: он пропадал тогда на целую неделю и приходил грязный, исхудалый, искушенный в драках. Он был бойким и умел проделывать фокусы — прыгал

через палку. Я, побывав в цирке, выпилил лобзиком круг из фанеры и научил Бика прыгать сквозь него. Когда Бик усвоил этот фокус, я заклеил круг тонкой бумагой. Вначале Бик пугался этой бумаги, но скоро понял, что никакого вреда она ему не приносит, и теперь каждый раз, когда ждали гостей, я приготавливал круг, и, на удивление всем, Бик прыгал, разрывая бумагу, — как в настоящем цирке. Но больше всего на свете Бик любил гулять.

— Бик, гулять! — крикнул я, и началось что-то невообразимое: Бик начал скакать, радостно повизгивать, бросаться то к дверям, то ко мне. На лестнице Бик согнал во двор всех кошек, дремавших на подоконниках. Выскочив за ворота, Бик погнался за проезжавшими санями; кидаясь с громким лаем под ноги лошади, пока извозчик не вытянул его кнутом, наклонившись с облучка.

У кондитерской, облокотившись о медные перила витрины, стоял одутловатый мужчина. Он следил за Биком и, когда я подошёл ближе, спросил:

— Это ваш фокусик?

— Наш, — сказал я.

— Весёлый собака, — кивнул на Бика одутловатый. Он так и сказал — «весёлый собака».

— Ты в какой квартире живёшь? — вдруг спросил он меня.

— В тридцать седьмой.

Одутловатый отстранился от перил и посмотрел на меня.

— У вас там никто не гостит? — спросил он.

— Никто, — ответил я и почувствовал, что начинаю краснеть, как это бывало со мной всякий раз, когда приходилось соврать. Я взял Бика на поводок и побежал домой.

— «Весёлый собака!» — закричал я, едва войдя в квартиру. — «Весёлый собака!» — и рассказал про Одутловатого, стоявшего у кондитерской.

Тётя Аня сейчас же ушла в чулан и велела заставить дверь шкафом. Отец

и мать расстроились. Все легли спать очень беспокойные: ожидали, что вот-вот раздастся звонок в квартиру.

Наутро «весёлый собака» исчез, но зато по панели слонялся какой-то худой, длинный. Он слонялся без всякого дела. К вечеру опять появился «весёлый собака». Я нарочно несколько раз прошёл мимо него, даже постоял у витрины, разглядывая выставленные коробки, которые я знал наизусть, но «весёлый собака» не обратил на меня никакого внимания. Отец и мать совсем расстроились, ходили оба, как больные. Тётя Аня заявила, что уйдёт из квартиры, как только исчезнет «весёлый собака». Отец ничего не ответил на это. Он надел пальто.

— Пойду пройдуся, — сказал он.

Часам к девяти я вышел погулять с Биком. «Весёлый собака» у кондитерской не было. Не видно было и помощника. Я прошёлся несколько раз мимо дома, постоял на углу и уже хотел бежать домой с сообщением, что «весёлый собака» исчез, как вдруг, проходя мимо пивной, находившейся против ворот, увидел в окне отца, а рядом с ним, за тем же столиком, сидел Одутловатый. Отец, порозовевший от выпитого пива, энергично жестикулировал, что-то рассказывая. Я взял Бика на поводок и почти ворвался в пивную.

— Папа! — закричал я. — Папа!

Отец поднялся и подошёл ко мне. Я сделал огромные глаза.

— «Весёлый собака», — прошипел я, кося глазами в сторону Одутловатого. — «Весёлый собака»!

Отец подмигнул совсем так, как он делал это во время игры в «козла», чтобы партнёр знал, с какой масти ходить.

— Наклей бумагу на круг и тащи сюда, — негромко сказал отец.

Он взял из моих рук поводок и подвёл Бика к Одутловатому.

— Знаете, кто находится перед вами? Перед вами находится артист, — торжественно заявил отец, указывая пальцем на Бика.

Я пустился домой, прыгая по лестнице через две ступеньки. Дома сразу же поняли всю выгоду положения. Тётя Аня попрощалась и вышла вслед за мной.

В пивной вокруг Бика уже собрался народ. Со всех сторон ему кидали сушки, и он ловко хватал их на лету. Отец взял у меня заклеенный бумагой круг и высоко поднял его над головой.

— Представление начинается! — провозгласил он. — Маэстро, прошу марш!

Гармонист громко заиграл марш «Тоска по родине».

— Хоп! — крикнул отец, подставляя круг, и Бик с треском прорвал бумагу.

Многие захлопали в ладоши. Одутловатый погладил Бика по спине.

— Весёлый собака, — говорил он, — весёлый собака!

А тётя Аня была уже за несколько кварталов от дома. Через неделю я поехал на Охту. На дверях халупы висела голубая вывеска, на которой был нарисован чёрный сапог с жёлтыми ушками, и изнутри доносился стук молотка.

В дворницкой мне сказали, что полиция нашла на чердаке халупы склад подпольной литературы.

* * *

Бесной наша квартира преобразалась: отец, большой любитель канареек, развешивал по стенкам садки — большие жёлтые клетки. В этот птичий дом отец впускал самца и самку, и начиналась у них семейная жизнь — кладка яиц, высиживание, появление птенцов, кормление. Иногда эти браки оказывались неудачными — супруги дрались, гоняясь друг за другом по садку, разбрызгивали воду, разбрасывали корм, поднимали в своей «квартире» шум и беспорядок. Заметив это, отец немедленно давал им развод, разлучая драчунов пересадкой в другие садки, к другой невесте или жениху, и там они находили своё семейное счастье. Пение канарейки отец обожал. Он мог часами сидеть, поставив перед собой клетку с каким-нибудь любимым «солистом» и слушать его трели. Каждое воскресенье, зимой и летом, отец, завернув в серый платок клетку, отправлялся на Сытный рынок, птичий, куда стекались все любители-птичники. Там он проводил весь день: менял, продавал, покупал или просто слушал редких, знаменитых кенаров. На фабрике, где работал отец, знали, что он птичник.

— Ты бы это самое, — однажды, сказал ему мастер и неопределённо по-

шевелил перед его лицом короткими пальцами, — достал бы нам канареек... штук двадцать.

Отец удивился: мастер слыл большевиком, интересовался исключительно политикой, но никак не канарейками.

— Нету у меня столько, Лука Фомич... да и время садковое... в гнезде птица.

— А нужно, — тронул свои усы мастер. — Очень нужно.

— А вы в птичий магазин, — посоветовал отец, — там найдётся.

— Это знаю. Ты бы выбрал нам. Ни черта мы не понимаем. Подучил бы нас, это самое.

Отец согласился и отправился со мной к своему старинному знакомому, хозяину птичьего магазина на Гороховой. Кроме канареек, продавалась там и другая певчая птица: скворцы, дрозды. Продавались и золотые рыбки и разный корм — конопля, муравьиные яйца. Был даже говорящий попугай.

— Давай! — крикнул попугай, когда отец открыл дверь, к которой был привешен колокольчик, оповещавший всякий раз хозяина, что вошёл покупатель.

— Давай! Давай! — кричал попугай, требуя себе корма.

Хозяин помещался в задней комнате, отделённой от магазина ситцевой занавеской. Он сейчас же вышел — лысый, круглый, в очках, перевязанных ниточкой.

— Надоел, — кивнул он в сторону попугая, — целый день ему давай.

— Ура! — закричал попугай. — Ура!

Отец засмеялся.

— Справляли женины именины, — сказал хозяин, — ну, и за столом кричали «ура», так он заучил.

— Как торговля? — спросил отец.

— Никуда! — махнул рукой хозяин. — На пяточок конопли продал. А вчера две рыбки сдохли.

— Пришёл поправлять твои дела, — подмигнул ему отец. — Новые любители заявили... штук двадцать возьмут.

— Чижей?

— Канареек. Самых певцов!

Новые «любители» стали являться по двое, по трое. Некоторых из них отец знал по фабрике, но остальные были совсем незнакомые. Все они внимательно слушали, когда отец объяснял, что такое чавкун и как он может испортить самых лучших кенаров, если те хоть раз услышат его пение, в котором есть порочное колено: чав-чав-чав. Чавкун не имеет никакой цены, и исправить его невозможно.

Каждый из новых любителей купил по кенару, и ни один из них не потроговался в цене. Когда они ушли, хозяин пожалел, что не запросил больше.

— Не любители это... не любят они канарейку.

Попугай уставил на него свой круглый глаз, беззвучно шевеля клювом.

Есть у русского человека птичий праздник, когда выпускают на волю птицу. В этот день со всех концов города приезжали люди на Сытный рынок у Александровского парка на Петербургской стороне. Каждый год отец брал с собой меня. Птичий рынок с утра кишел народом, сновавшим среди продавцов всякой птицы. Тут были и куры и петухи, кукарекавшие в больших клетках, отчего в весеннем воздухе, ещё холодном, сыром, пахло деревней и напоминало, что скоро лето, можно будет купаться, ходить за ягодами. Были тут и домашние голуби, всевозможные — пёстрые, серые, белые с красными глазами, будто они проплакали всю ночь. Эти красные глаза напоминали мне о двойке в четверти. Продавцы певчей птицы, хриплые бродяги, уже успевшие загореть, стояли у своих клеток, переполненных чижами, синичками, скворцами.

Я озяб, и отец повёл меня греться в трактир, находившийся у самого рынка. Мы с трудом нашли свободное место и заказали чай. Зал был полон. Птичники сидели за столиками, а по стенкам, в которые предусмотрительный трактирщик набил гвоздей, висели клетки с птицами. Трели канареек сливались с людским говором, звоном посуды, хлопаньем входной двери. Было шумно, тепло. Трактирщик перегнул через стойку, разговаривая с посетителями. У него были такие мелкие веснушки, словно в лицо ему выстре-

лили канареечным семенем, и если бы он уснул где-нибудь в лесу, птицы, наверно, садились бы ему на лоб поклевать вкусных зёрнышек.

Старичок в засаленной чиновничьей фуражке без кокарды кормил яйцом чижики в клетке, просовывая свой жёлтый, прокуренный палец между прутьями. Видимо, чижики понимали толк в яйце и отказывались клевать белок, а вертел головой и поглядывал из клетки, вытянув шейку, на желток.

— Ишь ты, ишь ты! — приговаривал старичок.

За средним длинным столом сидел хозяин птичьего магазина со своим попугаем.

— Надое! — махнул он рукой, когда отец вопросительно кивнул на попуга.

— Разговаривает?

— Заладил одно... сил нет!

У самой стойки я увидел Одутловатого. На тарелке перед ним лежали баранки, которые он с треском разламывал в кулаке, напихивал обломки в стакан до самого верха и, когда они разбухали в горячем сладком чае, ел их, вылавливая ложечкой.

— Папа! — толкнул я под столом отца. — «Весёлый собака»!

— Ладно, — буркнул отец. — Не наше дело. — И нахмурился, отодвинул от себя стакан.

Отец стал внимательно оглядывать посетителей и только теперь заметил среди них новых любителей, которым он выбирал канареек. Новые

любители сидели по двое, по трое, на стенке возле каждого висела клетка с канарейкой, но они не обращали на птиц внимания и всё поглядывали на дверь, оборачиваясь при входе каждого нового посетителя. Видно, кого-то ждали. В дальнем углу отец увидел мастера. Тот поднялся и подошёл к столу.

— Это кто же? Сынок? — кивнул он на меня. — Тоже птичник?

— Он двоечник, — угрюмо сказал отец. — Слушай, Лука Фомич, дело не моё, но как бы не вышло беды. У стойки-то сидит, с баранками... Как бы он вас железными баранками...

— Да ну? — не поверил мастер.

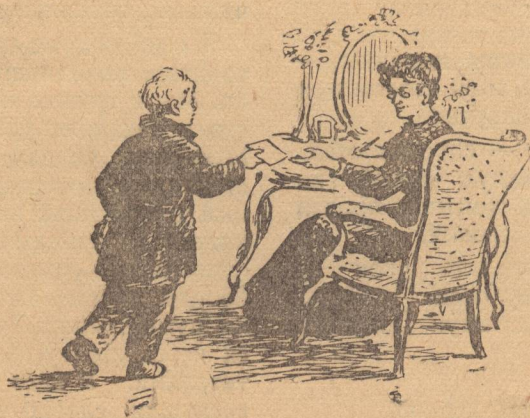
— Он! — мотнул головой отец.

— Ей богу! — не выдержал я и сделал такие страшные глаза, что мастер улыбнулся.

— Свинья не съест, таракан не забодает! — сказал он.

Дверь хлопнула, пропуская нового посетителя, и по радужным улыбкам я понял, что пришёл тот, кого ждали. Лицо у него было простое, но такие лучистые глаза, столько в них светилось жизни, — видно было сразу, что это человек необыкновенный.

Одутловатый опустил ложечку с набухшей баранкой, похожей на старый валенок, и встал, как сеттер, почуявший дичь, поискал кого-то глазами и исчез. Отец посмотрел в окно, выходящее на рыночную площадь. Около трактира стояло несколько мужчин, сильно смахивавших на переодетых го-

родовых. Отец сейчас же подошёл к мастеру:

— Беда, Лука Фомич. Ловушка!

В это время кто-то из птичников вышел из трактира. Едва он отошёл от дверей, как двое мужчин подошли к нему и куда-то повели. Действительно, трактир был ловушкой: сюда впускали всех, а не выпускали никого.

Мастер сразу заинтересовался канарейками, переходя от стола к столу, потом подсел ближе к отцу и сунул под локоть бумажку.

— Это самое, — посмотрел он на меня, — сынок снесёт записку скоренько.

Отец ничего не ответил, только глазами приказал мне взять бумажку. Я вышел из трактира и ленивой походкой шляющегося мальчугана направился через площадь, но как только выбрался на улицу, пустился бегом. На ходу я вскочил в конку, огibaющую парк, и полез по кривой лестнице наверх, где ехать было интереснее, чем в вагоне, потому что едешь на уровне второго этажа и видно, что делается в квартирах. Скоро я доехал до дома, обозначенного в адресе, взбежал по ступенькам красиво отделанной парадной и нажал кнопку звонка у две-

рей квартиры. Звякнула цепочка, и выглянула горничная, нарядная, будто она собирается в гости.

— Ах ты паршивец! — сердито закричала она. — Ты опять здесь? Вот я тебя сведу сейчас к барыне, она тебе покажет, как нажимать кнопки!

Схватив за рукав, она потащила меня по коридору в комнаты, усталые ковры и обставленные мягкой мебелью.

— Барыня, вот поймала этого, который нажимает кнопки!

Сидевшая спиной ко мне дама обернулась, и я увидел тётю Аню, но такую важную, в золотом пенсне, что не мог выговорить ни слова.

— Идите, Маша, я с ним сама поговорю. Как ты сюда попал? — спросила тётя Аня, когда горничная вышла.

Я вынул из шапки записку и протянул ей.

* * *

Дверь трактира с шумом отворилась, и в зал, запыхавшись, вошёл оборванец, без шапки, пьяный, с растёгнутым воротом рубахи в синий горошек.

— Барыня приехала! — заорал он, размахивая руками. — Добрая барыня, подряд всю птицу выпускает. Оптом берёт, почём ни запросишь. Истинный крест! — перекрестился оборванец.

Все, толкаясь и крича, бросились к дверям. Тех, переодетых, возле трактира оттеснили. У них были растерянные лица. Одутловатый чуть не плакал.

Посреди рынка в извозничьей пролётке стояла тётя Аня в чёрных лайковых перчатках, а вокруг неё, давя друг друга, толпились продавцы, протягивая клетки с птицей. Поднялся шум, крик, драка, всякий хотел продать прежде других. Тётя Аня скупала птиц и тут же сама выпускала их на волю.

Один жаворонок, юркнув в дверцу, взвился над пролёткой и громко запел свою песню — как в поле. Это было так хорошо, что толпа загудела в вос-

торге, а мальчишки стали кидать вверх свои шапки. А в опустевшем трактире стояла на столе покинутая клетка с попугаем, и помощник пристава сердито кричал и топал ногами на трактирщика, растерянно мнявшего в руках сотенную бумажку.

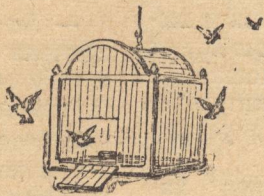
— Давай! — крикнул попугай так неожиданно, что пристав бросил взгляд на сотенную бумажку и повернулся к городовому, стоявшему у дверей.

— Взять! — указал пристав на клетку с попугаем и выдернул сотенку из рук трактирщика.

— Ура! — закричал попугай.

Городовой поспешно накрыл его полкой шинели.

Я с отцом шёл по мосту через Неву, уже свободную ото льда, и думал о том, что тоже буду революционером-большевиком, как тётя Аня и её товарищи, которые хотели того, что любит каждая птица, — свободы.

ГОРОД НАД НЕВОЙ

О город над Невой, текущей величаво,
Ты наша плоть и кровь, наследие и слава.
Народом создан ты в порыве трудовом,
Его душа живёт в величии твоём!
Родной истории свидетель вдохновенный,
Немало славных дел в свои вместил ты стены,
И в самый душный век неволи и цепей,
Свободой вдохновлён, всегда был верен ей.
Не здесь ли, у Петра, в морозный полдень мгlistый
Свой факел вольности подняли декабристы,
Не здесь ли, у дворца, под пулями царя
Россию ты зажжёг Девятым Января
И силы вырастил рабочих поколений,
Которые собрал в единстве грозном Ленин
И двинул в славный бой на штурм былых невзгод,
Чтоб счастье на земле мог утвердить народ?
Сын нашей Партии, её соратник верный,
Служил ты Родине отвагой беспримерной.
Не здесь ли в дни войны, кольцом блокады сжаты,
Рабочие твои сражались, как солдаты,
Чтоб стал ты снова жить, прекрасный, как всегда,
В родном содружестве науки и труда?
В тебе есть творчества величие и смелость,
Ты хочешь, чтобы всем легко жилось и пелось.
Ты с каждым днём растёшь и радуешь наш взгляд,
Трёх Революций сын, бессмертный Ленинград!

Баллада о пятистах

Где река изогнулась подковой
И заката костёр догорел,
Их по берегу к роще сосновой
Под штыками вели на расстрел.

То прикладом, то криком: «Быстрее!»
Подгонял арестантов конвой.
Где-то сзади, прощально белея,
Скрылся Ямбург, их город родной.

Над спокойною Лугой-рекою
Шли последней дорогой пятьсот.
В грозных тучах летел над страной
Боевой девятнадцатый год.

За расклейку подпольных листовок
С огоньком большевистских идей,
За хранение гранат и винтовок
Взяли белые этих людей.

Их тела изрубцованы плёткой,
И за спинами руки кольцом.
Шли тяжёлой, но гордой походкой
Люди с честным, суровым лицом...

Видел с неба июньского месяц,
Как у рощи стояли пятьсот,
А напротив, им в головы метясь,
Сухо щёлкнул затворами взвод.

Тихо сосны о чём-то шумели,
И туман над рекою осел...
Сам Юденич в английской шинели
Прибыл к роще взглянуть на расстрел.

Жаждал он посмотреть на страдания,
Видеть слёз бесконечный поток...
Но ни слёз, ни глухого рыдания,
Даже вздоха дождаться не смог.

И тогда закричал в испуг и в исступленье,
Обрывая терпения нить:
— Тот, кто встанет сейчас на колени,
Обещаю, — останется жить!

...Жить... Ведь это — бороться с врагами,
Чтобы, встав, никогда не упасть.
Это значит — своими руками
Пролетарскую выковать власть.

Жить, свою укрепляя Отчизну,
Твёрдо веря в себя и в народ,
Жить его нестареющей жизнью
И шагать все вперёд и вперёд.

Разорвать всё плохое на части,
Новых сил ощущая прилив,
И построить всемирное счастье
На Земле, чудеса сотворив.

Станет крепче в единых стремленьях
Всех народов и наций союз...
Но пощаду добыв на коленях, —
Значит, жить, как предатель и трус.

...И стояли по-прежнему твёрдо.
Ждал напрасно палач-генерал.
Он ответ их, решительный, гордый,
В целой тысяче глаз прочитал.

Непокорные, смелые лица,
С непонятной отвагой народ.
Песня взмыла над рощею птицей —
«Марсельезу» запели пятьсот.

Дальше — шквал генеральских проклятий,
Резкий взмах офицерской руки...
Эхо залпов катилось по глади
Засыпающей Луги-реки...

...Под широким синеющим небом
Так же Луга спокойно течёт.
Ямбург назван теперь Кингисеппом,
И по-новому город живёт.

Над советской землёй, над лугами
Ветер звонкие песни несёт...
Вот за это боролись с врагами
И погибли у рощи пятьсот.

Рис. А. Крутцова

(РАССКАЗ)

1

БЕСПОКОЙНЫЙ нрав был у Трофима Захарыча. Иной кондуктор получит с пассажиров деньги, сядет на своё место и дремлет, уткнувшись в воротник. А у Трофима Захарыча всегда находились заботы да хлопоты. Только, бывало, успеет объявить:

— Московский вокзал! Прошу обратить внимание на памятник посреди площади. Бывший царь Александр Третий, ныне Пугало. Работа скульптора Трубецкого...

И громыал уже трамвай по улице Жуковского.

— Улица Восстания!—объявлял Трофим Захарыч. — Направо, в доме двадцать шесть, проживал поэт Полонский. Следующая—проспект Володарского!..

И начиналась самая замечательная часть маршрута.

Не доезжая до проспекта, Трофим Захарыч разглаживал бороду и, откашлявшись, во весь голос провозглашал:

— Прошу проходить вперёд! Проспект Володарского! Налево, в доме шестьдесят два, жил великий русский сатирик Салтыков-Щедрин. На следующем повороте рекомендую обратить внимание на дом тридцать восемь, где жил и скончался поэт Некрасов... — И, словно невзначай, Трофим Захарыч добавлял, обращаясь к зазевавшейся девушке: — А заплатить-то забыли, гражданочка?!

Девушка краснела и поспешно протягивала Трофиму Захарычу согретую в руке монету. Трофим же Захарыч, выматривая забывчивых пассажиров, продолжал свои объяснения:

— Прошу обратить внимание на роскошный подъезд, что напротив Некра-

совского дома; его описал Некрасов в замечательном стихотворении «Размышления у парадного подъезда».

И когда случалось трамваю задержаться на повороте, Трофим Захарыч читал строфу или две самого стихотворения:

*„Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал...“*

На улице Белинского трамвай замедлял ход. Впереди был подъём на мост. Для Трофима Захарыча это было очень кстати, и здесь он становился особенно сосредоточенным и важным.

— Набережная реки Фонтанки! — не торопясь, объявлял Трофим Захарыч. — Направо, в доме двадцать, жили Тургеневы. В их квартире собирались члены литературного общества «Арзамас». Здесь бывали Жуковский, Вяземский, Пушкин, Муравьев и другие. Здесь Пушкин написал оду «Вольность»:

*„Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец...“*

Это, напротив, Инженерный замок, бывший дворец бывшего императора Павла. Работа архитекторов Баженова и Бренна...

Спешил трамвай, постукивая колёсами, и быстро сменялись один другим рассказы Трофима Захарыча.

— Летний сад! Здесь по утрам, в халате и туфлях, гулял Пушкин: он жил тогда в доме Оливио, что на улице Пестеля, пять...

Дальше шёл дом Голицыной, столько хранивший памятного о бессмертном русском поэте.

Много чего знал Трофим Захарыч, и дивились пассажиры, слушая его необыкновенные рассказы. Другой пассажир заслушается и совсем забудет, что ему выходить пора. Но старик всё отлично помнил.

— А что, граждане, — спросит он, — ведь кому-то выходить на площади Революции?..

Так из года в год и ездил по маршруту № 31 старый кондуктор Трофим Захарыч. Немало пассажиров, ездивших постоянно по этому маршруту, знал он в лицо и с некоторыми даже здоровался.

2

В Ленинграде Трофим Захарыч прожил всю жизнь. Сызмалства полюбилась ему красота и стройность городских улиц. И если бы не бедность да не нужда, непременно выучился бы Трофим Захарыч на архитектора. Но вместо учения всё его детство и молодость прошли в работе.

Ещё на петербургской конке ездил он кондуктором.

В праздники с охотой Трофим Захарыч бродил по городу и любовался его замечательной архитектурой. Сначала многое было непонятно — удивлялся он обилию колонн, которые окружили здание Биржи, улыбался, глядя на замысловатые завитушки, облепившие стены Зимнего дворца, и тут же сравнивал их с простыми и гладкими стенами Адмиралтейства.

Но проходили годы. Попадались Трофиму Захарычу книжки, где писалось о строительном искусстве, встречались люди, тяжёлый труд которых воплощался в красоту архитектурных сооружений, и чего не мог Трофим Захарыч постигнуть в учёных книжных описаниях да в бесхитростных рассказах штукатуров и маляров — до того доходил он своей смёткой.

Бывало, что приезжали из деревни свояки. Их Трофим Захарыч непременно водил по городу и объяснял, где какой дом поставлен и зачем к стенам прилеплены фигуры женщин...

Прятали свояки пренебрежительные улыбки, глядя на каменных женщин, у которых вместо ног торчали рыбы хво-

сты, и с завистью вздыхали, пересчитывая, сколько стёкол да железа потрачено на каждый дом.

Самому Трофиму Захарычу больше всего нравилась колокольня Никольского собора; к этой колокольне он водил всех знакомых и говорил о ней, словно о своей собственной:

— Красота-то какая?! Пропорции! Знаменитому Савве Чевакинскому заказ был сдан...

И здорово сердился Трофим Захарыч, если непонятливый и упрямый спутник возражал, доказывая, что «припорция» здесь ни к чему, а выстроена колокольня для звону, а высота пущена, чтоб далеко слышно было...

Такого человека Трофим Захарыч обязательно зазывал к себе домой после смены, и начинался тут длинный разговор.

— Видишь? — спрашивал Трофим Захарыч, вытряхивая из сумки множество разных монет.

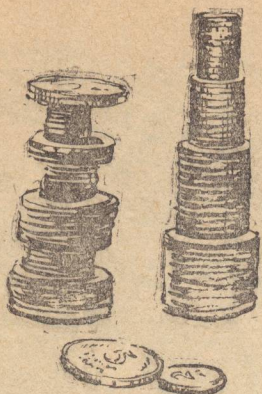
— Вижу, — отвечал недоумевающий гость, — деньги.

— То-то и оно, что деньги. А порядку в них много?

— Да уж какой порядок! Куча.

— И я говорю, куча... — ворчал Трофим Захарыч, раскладывая монеты по достоинству.

Гость пылливо смотрел на хозяина, соображая, какой подвох может последовать за всем этим.

А Трофим Захарыч старательно укладывал монеты в столбики: двадцать пятак, двадцать по три копейки, столько же двухкопеечных и маленьких копеечек.

— Что получается?

— Известное дело, опять деньги.

— Нет, я про порядок, — настаивал Трофим Захарыч.

— Конечно, имеется, — подтверждал гость.

Тогда Трофим Захарыч составлял ещё два столбика, беспорядочно укладывая в один и пятак и копейки, а в другой — монеты по достоинству: вниз сколько-нибудь пятачков, а наверх — деньги мельче.

— Ну, а здесь? — допытывался Трофим Захарыч. — Что красивее?

— Безусловно, этот, — показывал гость на деньги, сложенные в порядке.

— Так, — довольно кричал Трофим Захарыч и составлял первые четыре столбика в один большой, располагая их в строгом порядке: внизу — пятачки, выше — трёхкопеечные и так далее.

Это был последний, самый главный столбик. Вид его действительно напоминал колокольню Никольского собора. В ней архитектор также расположил надстройку одну над другой.

— Каково? — спрашивал Трофим Захарыч. — Чем тебе не колокольня? Пропорции, брат, великое дело.

И обескураженный гость дивился, откуда в простом человеке столько досужести касательно пропорций!

Вот каков был Трофим Захарыч...

В тот год осень стояла тёплая и без дождей. Трофима Захарыча это особенно радовало: в вагоне были сухие стёкла, и пассажиры свободно могли разглядывать те места, о которых он рассказывал.

У себя в трамвайном парке сделался старик самым знаменитым человеком. Разные ходили о нём разговоры. Одни говорили, будто пишет Трофим Захарыч толстую книгу — такую, что толще телефонной, и всё в этой книге про Александра Сергеевича Пушкина: как жил он в старом Петербурге и в каких квартирах и на котором этаже. Другие утверждали, что к Трофиму Захарычу приезжают теперь за советами настоящие академики, и не иначе как самого старика назначат скоро куда-нибудь в академию. Только вот не знали — в какую. Ближе всех была Медицинская.

Это уж придумали озорники.

А Трофим Захарыч, как всегда, принимал вагон на четверть часа раньше смены и ехал по своему любимому маршруту.

Однажды, вечером, подъезжая к Неве со стороны Марсова поля, Трофим Захарыч привычно объявил:

— С моста прошу обратить внимание на дом Боташева, где проживал Пушкин. Это на набережной Невы у самой Фонтанки!..

Народу в трамвае ехало немного, а время близилось к полуночи. Некоторые пассажиры, сидя, дремали. И старичок, что сидел у дверей напротив Трофима Захарыча, тоже как будто дремал. Но, когда Трофим Захарыч объявил про дом Боташева, старичок встрепенулся, кашлянул и ехидно заметил:

— А дом-то Боташева не на углу. Третий за углом-с!..

— Что? — взревел удивлённый Трофим Захарыч.

— А то, — невозмутимо продолжал старичок, — точность должна быть, когда дело касается истории. Да-с, молодой человек!..

Трофим Захарыч побагровел:

— Как, «молодой человек»? Это кто?

— Да для меня хоть и вы-с, — сказал старичок и, поднявшись со скамьи, пошёл к выходу.

Тут и не стерпел Трофим Захарыч.

— Сам мальчишка! — буркнул он вслед старичку.

Старичок остановился в дверях:

— Может, вы номерок свой назовёте? А впрочем, не надо. Запишем вагончик-с...

И ушёл старичок.

Два дня после этого случая не по себе было Трофиму Захарычу. Такая злость взяла: и на старичка за обидное название «молодой человек-с», и на себя за то, что поскаandalил с пассажиром первый раз в жизни, но, пожалуй, обиднее всего было — как это мог эдакий невидный старикашка поправить его, Трофима Захарыча?!

На третий день Трофима Захарыча вызвал к себе директор трампарка. Директор сначала рылся на столе в бумагах, потом пристально поглядел на Трофима Захарыча и угрожающим шёпотом произнёс:

— Вот уж не ожидал...

Держал директор в руках какое-то письмо.

«Ясное дело, жалоба от старикашки», — подумал Трофим Захарыч и решил оправдываться.

— Понимаете, не хотел...

Но тут директор развернул бумажку и протянул её под самый нос Трофиму Захарычу.

«Дорогой товарищ, — было написано в бумажке, — Общество «Пушкинский Петербург» приглашает Вас на заседание кружка, имеющее быть в здании Ленэнерго в такой-то день...»

И ещё одну бумагу вручил директор Трофиму Захарычу.

«Анкета. Общество «Пушкинский Петербург».

— А жалоба? — спросил удивлённый Трофим Захарыч.

— Есть и жалобы, — мрачно сказал директор, встряхнув на столе ворох писем. — Вот один пишет: «Мне ещё только 54 года, а кондукторша № 2973 назвала меня дедушкой. Я считаю подобный факт безобразным, и вы объясните это кондукторше № 2973».

— Разумеется, — проворчал Трофим Захарыч, аккуратно складывая анкету, — какому дураку охота стариком быть раньше времени!..

Придя домой, Трофим Захарыч долго сидел над анкетой и в конце-концов заполнил её. В графе «Какие имеете научные труды» он старательно написал: «Тружусь кондуктором с 1907 года».

4

В назначенный день Трофим Захарыч пошёл на заседание Общества «Пушкинский Петербург». Нерешительно вошёл он в длинную комнату, где посредине стоял стол, а за столом сидело немало

людей. И первый, на кого обратил Трофим Захарыч внимание, был именно тот старичок...

Трофим Захарыч оробел совершенно. А старичок поднялся и объявил:

— Вот и он!

Все повернулись к Трофиму Захарычу. Старичок и ещё двое вышли из-за стола.

Трофим Захарыч не знал, что делать.

— Бесконечно рады-с! — бормотал старичок.

И тут Трофиму Захарычу показалась комната очень похожей на трамвайный вагон. Только в вагоне не было посредине стола, но люди так же сидели чинно в ряд. И две старушки в ветхих ротондах пристроились с уголка...

«Такие всегда норовят бесплатно проехать, — подумал Трофим Захарыч, — не иначе, и здесь без билета». И, кашлянув с достоинством, он прошёл на центральное место...

...Уходил с заседания Трофим Захарыч действительным членом кружка «Пушкинский Петербург».

5

В те годы нынешняя улица Маяковского называлась Надеждинской. Из-за этой Надеждинской улицы и приключился с Трофимом Захарычем ещё один казус.

Рано утром пришёл он в парк и увидел на дверях конторы объявление. В объявлении том значилось, что, согласно такому-то приказу, на маршруте № 31 вводится новая остановка — угол улицы Жуковского и Надеждинской.

Очень смутила Трофима Захарыча такая неожиданность, и в этот день выехал он на линию весьма расстроенным. Как же было не расстраиваться, если на самом ответственном участке, где одна за другой шли такие «исторические» остановки, и вдруг Надеждинская улица...

Каждый раз, когда трамвай приближался к новой остановке, Трофим Захарыч делал вид, что занят пересчётом денег, и едва внятно объявлял:

— Надеждинская улица!..

Сразу же после смены, не умывшись и не пообедав, Трофим Захарыч на-

правился к месту новой остановки. Но ничего примечательного он там не обнаружил.

Рыжебородый дворник, подметавший панель, зацепил Трофима Захарыча метлой по ногам и заворчал:

— Ну, чего выставился?

Трофим Захарыч обернулся к дворнику и спросил:

— Давно работаешь здесь?

— Давно, — пробурчал в ответ дворник.

Трофим Захарыч не знал, с чего начать разговор, но рыжебородый сам оказался словоохотливым:

— Я, брат, здесь с одна тыща девятьсот восьмого. Всё знаю...

— Да ну? — с ехидством заметил Трофим Захарыч. — И Пушкина знаешь?

Рыжебородый вдруг приставил к ноге метлу и подозрительно оглядел Трофима Захарыча.

— Знаю. Очень хорошо знаю...

— Это откуда же? — удивился Трофим Захарыч.

— Да так, из жизни, — равнодушно ответил рыжебородый и, оглядев ещё раз навязчивого прохожего, видимо, решил с ним объясниться.

— Знаешь что? Вот здесь, оно удобнее толковать будет, — сказал рыжебородый, зазывая Трофима Захарыча под ворота.

Под воротами он ещё раз подозрительно оглядел Трофима Захарыча.

— Не из родни ли ему будешь?

— Что ты, что ты?! — смущённо забормотал Трофим Захарыч.

— А может, стесняешься признаться к родственничку?..

Трофима Захарыча это обидело:

— Какое ж тут стеснение? К эдакому родственнику!

— Оно конечно, — сказал рыжебородый, — этот твой Пушкин один раз моему свояку как звезданёт по уху!

— Погоди, — удивился Трофим Захарыч, — то есть, как это — по уху?

— Ну, очень натурально, — дворник развёл руками, удивляясь непонятливости собеседника. — Пушкин кричит: «Почему у тебя улица не полита?», а свояк ему и ответь что-то. Вот Пушкин и рассвирепел...

— Да погоди ты, — перебил Трофим Захарыч. — Ты про какого Пушкина?

— Известно про какого, — возмутился рыжебородый. — Про околоточного. Мы его в семнадцатом годе стащили с чердака... Тут и прикончили. Свойка мой и говорит: «Эх, стерва, а ещё такой хорошей фамилией назывался».

— Да, — вздохнул разочарованно Трофим Захарыч. — Случай занятный, только я не про этого Пушкина.

— А ты про какого? — заинтересовался дворник. — Уж не про стихотворца ли?

— Про него.

— А-а-а! — с сожалением протянул рыжебородый. — Этот у нас не проживал.

Трофим Захарыч свирепо поглядел на дворника:

— Голова, сам знаю, что не проживал! Мне другое нужно: может, друзья его какие проживали здесь, на Жуковской или на Надеждинской?..

Рыжебородый, хитро сощурившись, уставился на Трофима Захарыча и вдруг громко расхохотался:

— Ха! Ему хочется, чтобы при Пушкине была Жуковская улица!..

Смеялся дворник долго, хлопая себя по животу и по коленям. Потом, так же внезапно, к нему вернулась серьёзность.

— Мил-человек, — сказал он, — ты бы так сразу и спрашивал. Дескать, положи про старый Петербург. Тут я тебе враз бы всё объяснил: что Жуковской в ту пору не было, а называлась она Малая Итальянская. Надеждинской до Невского и в помине не водилось, а напрямик от Литейного до Знаменской располагался здесь Итальянский сад. Вот дело-то как обстояло!

Рыжебородый положил Трофиму Захарычу на плечо руку и ласково добавил:

— Поживи с моё, — не то ещё узнаешь!

Главная улица

По прямой как стрела дороге, прорубленной в лесу и обсаженной по краям молоденькими берёзками, тащилась телега. Под её колёсами то и дело хлопала брёвна, которыми была вымощена дорога.

Миновав тряский деревянный мост через небольшую речку, телега остановилась перед шлагбаумом. Из сторожевой будки вышел усатый солдат в камзоле и треуголке. Осмотрев кладь, он пропустил подводу.

Слева, вдоль нескончаемой изгороди, потянулись разбросанные среди леса невысокие домики, показалось приземистое здание торговых рядов, а вправо пошла другая просека. По ней группа погонщиков вела молодого слона. Возница долго глядел вслед диковинному животному, а потом, понукая лошаде́нку, тронулся дальше.

Миновав торговые ряды, минут через десять он переехал по мосту болотную речушку, еле заметную среди камышей. За речкой, на опушке берёзовой рощи, возвышалась небольшая церковь.

Вскоре дорога-просека как бы расступилась, показался новый мост. Берега реки, укрепленные сваями, здесь были превращены в набережные. По реке скользила шестивёсельная лодка, на которой восседал барин в богатом камзоле с широкими об-

Из истории нашего города

шлагами. Вдали плыла другая лодка.

Сразу же за мостом по обеим сторонам пути протянулись многочисленные дома. Дорога, наконец, упёрлась в длинное трёхэтажное здание, над которым вздымалась башня с острым золочёным шпилем. На верхушке шпиля чётко вырисовывался золотой кораблик. Вдоль здания тянулся земляной вал и ров с водой. В амбразурах вала чернели чугунные пушки.

Справа, куда поворачивала дорога, на огромном лугу паслись коровы. Вдалеке, на краю луга, по берегу широкой полноводной реки выстроилась вереница двухэтажных хорб с крутыми крышами.

Что же это за город, что за дорога, по которой тащился на своей лошаде́нке возница?

Это — Невский проспект Петербурга. Как непохож он на сегодняшний!

Первый мост, с которого началось путешествие нашей петропливой телеги, пересекал заросшую осокой реку Фонтанку. Строил его полковник Аничков. Оттого и мост стал называться Аничковым и великолепный дворец, поднявшийся у моста лет двадцать пять спустя.

Когда на левом, южном берегу Невы выросло Адмиралтейство, к нему потянулись подводы с различной кладью, годной для постройки кораблей. Кладь эту везли с юга по Новгородской или, иначе, Московской дороге (она проходила по линии нынешних Лиговского и Суворовского проспектов). От этой-то дороги к Адмиралтейству среди болотистого слового леса и прорубили просеку. Она была прямая, как стрела, и за это получила наименование Перспективной дороги.

В то время, к которому относится начало нашего повествования, Невский проспект до Фонтанки был совершенно не застроен. Только за Аничковым мостом были разбросаны домишки-мазанки, а там, где возница заметил слона, пролегал, близ нынешнего цирка, Караванная дорога (теперь улица Толмачёва). На ней стояли Слоновые амбары и жилища погонщиков караванов.

Приземистое здание торговых рядов было первым Гостиным двором Петербурга. Лет тридцать спустя на его месте возникло обширное и стройное здание нынешнего Гостиного двора.

От Гостиного и до самой Мойки сплошняком стоял лес. В нём на берегу речки Грибуши (нынешний канал Грибоедова) ютилась небольшая церковь. Лишь в начале XIX века на месте её великий

русский архитектор Воронихин воздвиг знаменитый Казанский собор.

За Мойкой, за третьим мостом, по которому проехала наша телега, в те времена, в сущности, и начинался Петербург.

Самым значительным зданием тогдашнего Невского проспекта было Адмиралтейство с его золочёным шпилем и корабликом, построенное талантливым архитектором Корововым. Но всё же оно не могло сравниться с позднейшим Адмиралтейством, построенным на том же месте. Нынешнее Адмиралтейство воздвиг в 1805 году современник Воронихина гениальный русский зодчий Захаров.

Во второй половине XVIII и в первое десятилетие XIX века Невский проспект украсился многими великолепными зданиями, которые и теперь восхищают нас своими прекрасными формами. Кроме Адмиралтейства, Казанского собора и Аничкова дворца, в ту пору были построены Строгановский дворец на углу Мойки, здания Публичной библиотеки и Александринского (ныне Пушкинского) театра, возникли чудесные строения, обрамляющие Дворцовую площадь, бывшую когда-то огромным лугом...

Прекрасен Невский проспект — главная улица нашего города. В дивной её красоте заключён вдохновенный труд многих русских архитекторов. Имена Захарова, Воронихина, Растрелли, Росси и других навсегда останутся в истории русского и мирового зодчества. Но в создание Невского проспекта, как и всего Петербурга, вложен труд и талант не одних только архитекторов: сотни тысяч крепостных русских мужиков, собранных со всех концов страны на берега Невы, своими руками воздвигли дворцы и парки, проложили проспекты, прорыли каналы этого чудеснейшего города.

Главная улица! Она славна

не только неповторимой своей красотой, но и теми событиями, которые на ней совершились. Площадь перед Казанским собором хранит воспоминания о первой политической демонстрации петербургского пролетариата и демократического студенчества в декабре 1876 года. Перед демонстрантами выступил с речью молодой Плеханов, а рабочий Яков Потапов развернул красное знамя.

В январе 1905 года в начале Невского проспекта было расстреляно царскими войсками мирное шествие рабочих.

Через двенадцать лет, в холодные февральские дни 1917 года, Знаменская площадь, на которой ещё в середине прошлого столетия было выстроено здание Московского вокзала, стала свидетелем массовых митингов, демонстраций, схваток с царской по-

лицией. В честь тех грозных событий бывшая Знаменская площадь ныне называется площадью Восстания.

В памятные июльские дни 1917 года мостовая Невского проспекта у Публичной библиотеки и Гостиного двора обогрилась кровью рабочих Петербурга: войска Временного правительства Керенского пытались пулемётами подавить революцию.

Но ни царю, ни Керенскому не удалось остановить революционный питерский пролетариат, который уверенно шёл за своей партией, руководимой великим Лениным. В Октябрьские дни 1917 года по Невскому проспекту маршировали отряды рабочей гвардии, направляясь на штурм Зимнего дворца — последнего оплота буржуазии.

Г. КУРИЛЕНКО

На Невском проспекте.

Фото Г. Сафонова

На Катерах

На все балтийские просторы
Пришла июльская пора.
Рокочут выхлопы моторов,
Летят Невою катера.

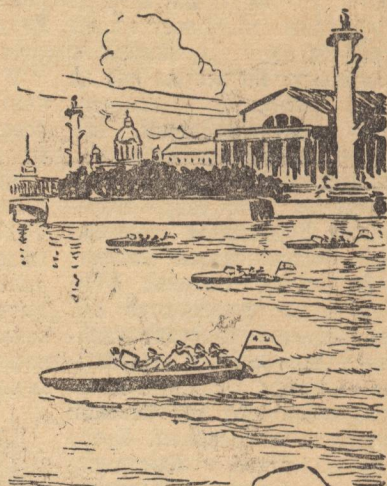
Рассыпав жемчуг пылью мелкой,
На борт врывается волна.
И отмель вытянулась стрелкой,
В морскую даль устремлена.

Опять в залив, к ветрам, на волю,
Где плещет синью глубина,
Где дышит мужеством и солью
Морской равнины тишина!

Где только песня встанет рядом
Подругой дальнего пути,
Где никаким упорным взглядом
Конца дорогам не найти.

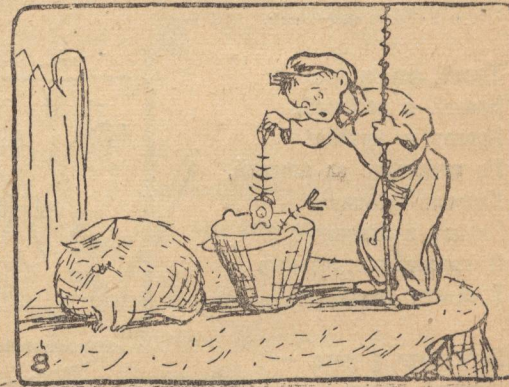
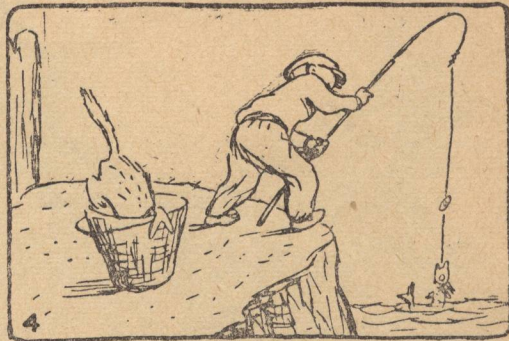
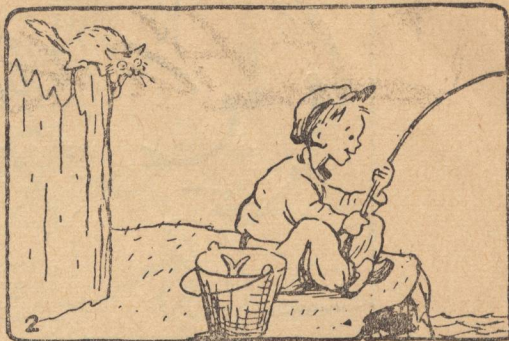
Вот смолкнет песня, в море канув...
Куда б нас юность ни влекла,
Средь всех морей и океанов
Нам трасса Родины легла.

И мы найдём с тобой без слова
Знакомый курс, уклон руля.
Для нас концом пути любого
Видна приневская земля.

Про рыболова Жору и кота обжору

Рассказ в рисунках В. СЛЫЩЕНКО

Новый путеводитель по Ленинграду, составленный Аркадием Перепуткиным

На Выборгской где-то,
Живёт в Ленинграде
Наш юный герой
Перепуткин Аркадий.

Такой, как и все:
Боевой и весёлый,
Играет в футбол
На площадке за школой,
Хорошие книжки
Читает с азартом
И пишет контрольные
В школе за партой.

Есть друг у него —
Лучший папин подарок,

Породой не хуже
Немецких овчарок!
Зовут его — Компас.

АВТОР весёлых картинок — Владимир Александрович Гальба очень любит рисовать с натуры, так, как на этой картинке. Но, конечно, он рисует не только самого себя.

Художника часто можно встретить в зоопарке.

— Чтобы нарисовать зверей,—говорит Владимир Александрович, — нужно сначала очень хорошо изучить их.

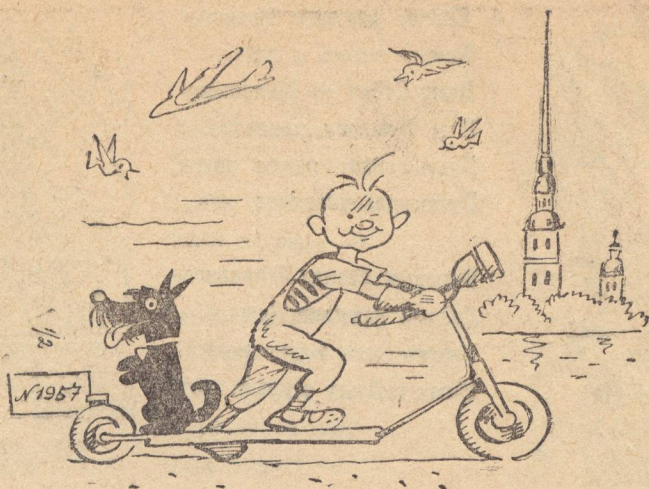
Дружит художник и с цирком. Там он рисует плакаты, изобретает эскизы костюмов для артистов. А недавно вышла книжка его рисунков, которая так и называется: «Весёлый цирк». Это очень смешные рисунки, в них много весёлого юмора.

Есть у В. А. Гальба и «злые» картинки. За тридцатилетний период работы в печати художник создал множество карикатур, зло высмеивающих наших врагов. В дни войны с гитлеровской Германией, работая в газетах героического Ленинграда, В. А. Гальба создал много рисунков, разоблачающих и клеймящих фашистских вояк. Впоследствии из них получилась целая книжка под названием «Блиц-крик и фриц-вой».

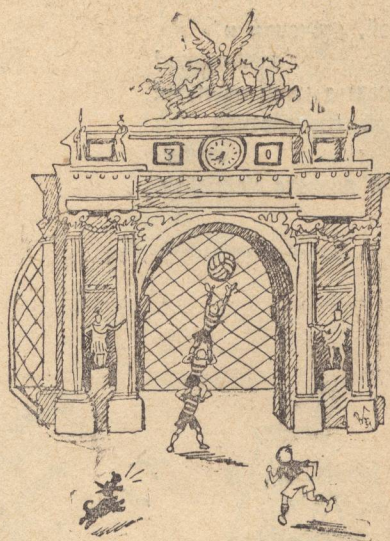
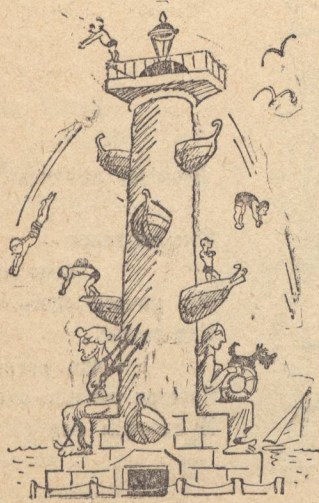
Но какие бы картинки ни создавал В. А. Гальба — «сердитые», «злые» или «добродушные», — их всегда интересно смотреть.

И знают ребята:
В хозяина весел
Проказник лохматый!

Чем славен ещё
Наш герой Перепуткин?
Да тем, что он любит
Весёлые шутки!
Недавно, к примеру,
Бродя по проспектам,
Порадовал всех он
Новейшим проектом.
Признался Аркадий:
Наким для ребят
Хотел бы он видеть
Родной Ленинград.

1. Стоит над водою
Колонна Ротральная.
Сидят над Невую
Скульптуры печальные.
Колонну мы сделаем
Вышкой ныральнойю —
Цените идею мою
Гениальную!!!

2. Вот ворота — так ворота!
Бей, как хочешь: с ходу,
с лёту!
Не спасёт ворот защита,
Вратари бессильны тут...
Даже дяди из «Зенита»
В них, наверно, попадут.

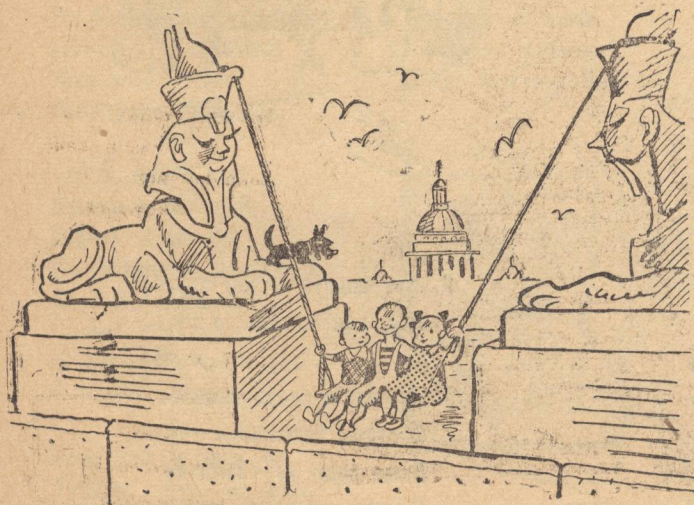

3. За мной, девчонки и
мальчишки!
Отважным с нами по пути!
Подобной парашютной
вышки
На всей планете не найти.

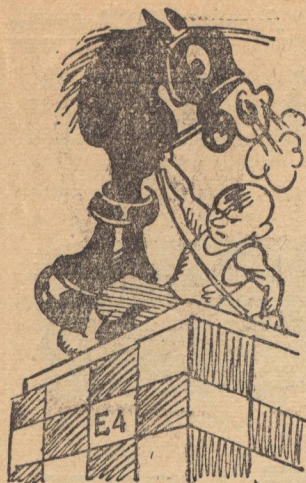
4. Скучно дедушке Крылову
Одному сидеть в саду.
Дядю Стёпу — Михалкова
Я к Крылову приведу.
Пусть сидят поэты рядом,
Пусть подправит то, что
надо,
В новых баснях Михалкова
Добрый дедушка Крылов.
У него ведь и для новых
Много добрых старых слов!

5. К стадиону нам ограду
Вот такую сделать надо!
И не будем с этих пор
Лазать мы через забор.

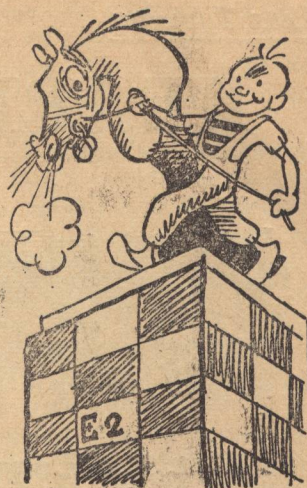

6. Дремлют сфинксы над
Невою.
Век за веком
спят и спят...
Мы начели здесь устроим,
Над водою,
для ребят!
Ветерок качнёт слегка,
И взлетим под облака.

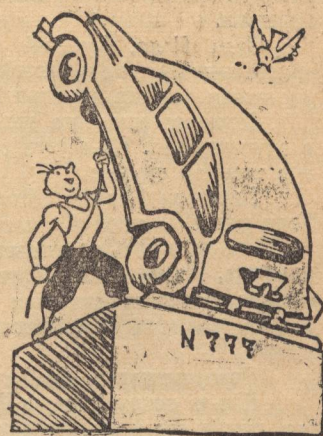

7. Аничков мост.

Другие кони
Пускай отныне встанут тут!
Вот вам один —
— морское пони!
Вот два других —
— не просто кони,
А две фигуры на мосту!
И вот четвёртый, —
Чудо просто! —
Железный весь он,
Весь бесхвостый!
Обут в добротную резину
Он вместо выгнутых
подков...

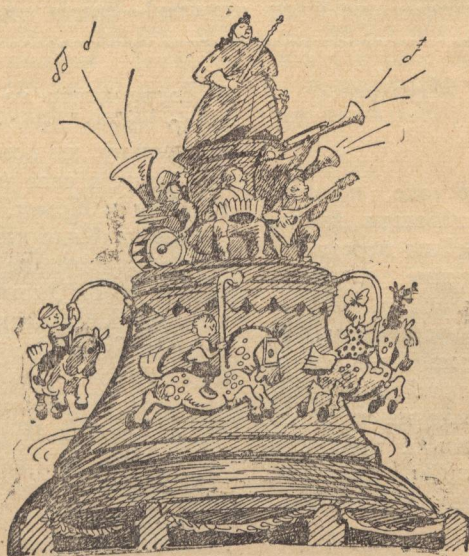

Встал на дыбы,
И вот наков —
Шумит! Рычит:
— Давай бензина!!

8. Монумент бывлой царицы Тоже может пригодиться.

Ну-ка, взяли!
Разом сели!
Закружились
карусели!

Рисунки
В. Гальба

Стихи
В. Суслова

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

Содержание предыдущих глав

Во время фашистской оккупации Брестской области Володька собирал брошенное оружие. Прятал он его вначале в лесу, а затем на огороде у своего друга Коли Гайшика.

Отец Коли, Василий Демьянович, был председателем сельсовета. Это знал односельчанин Козич, который привёл к Гайшикам немцев. При обыске фашисты не нашли оружия, но отца Коли арестовали.

Мальчик сразу же после обыска поспешил к Володьке, чтобы рассказать ему о случившемся. По дороге он встретил партизан, которым рассказал об аресте отца и о скрытом оружии.

Партизан Мартын обещал забрать оружие для отряда. Успокоенный вернулся Коля домой. О встрече в лесу он не сказал никому, даже матери, и стал ждать.

В первую ночь от партизан никто не пришёл. Наутро, когда Коля вышел на крыльцо, его оклинула Еленка — девочка из соседнего села Яблонки. Еленка сказала, что за оружием человек из партизанского отряда придёт на следующей неделе, что отец Коли жив и сидит в сарае в Ивацевичах. Фашисты зорко его сторожат...

Через несколько дней отец, избитый, вернулся домой и слёг.

Как-то ночью пришли Еленка и партизан Сергей. Достали оружие. Сергей осмотрел, протёр его и остался доволен. Наскоро закусив, он собрался в путь. Коля проводил его до опушки.

— Мы твоими винтовочками шуму наделаем! — сказал партизан на прощанье.

Чего боится Козич

НАСТУПИЛА зима.

Где-то там, на востоке, гремели орудия, дыбилась промёрзшая земля. Гигантская мясорубка войны перемалывала отборные гитлеровские дивизии, отброшенные от Москвы.

Но сюда, в Вольку-Барановскую, не докатывался гул боя. Здесь была тишина. Она нависла над деревней, морозная, жуткая. Редкие дымки над избами, наткнувшись на неё, жались к трубам и таяли. А заснеженные избы, казалось, глубже врылись в землю, притаились.

Дорог никто не расчищал. Свирепый ветер намёл на них такие сугробы, что ни пешему, ни конному не пройти.

Немцы в селе не появлялись. Не появлялся и Козич.

Иногда Коле казалось, что вовсе и не забирали отца, не переворачивали в избе всё вверх дном, не было ни оружия, ни людей, приходивших из лесу, — не было войны. Все это только сон, кошмарный сон.

Некоторые мужики, из тех, что ушли в лес, вернулись. Деревня зажила привычной, спокойной жизнью.

Но спокойствие это было обманчивым. Люди настороженно присматривались друг к другу, будто знакомились заново: а каким-то ты будешь, сосед, ко-

Продолжение. Начало см. №№ 2—3, 4, 5.

гда станет трудно, может, потрудней, чем прошедшей осенью?

Обычно, несмотря на мороз, женщины с ведрами собирались у колодца и подолгу судачили, пересказывая друг другу новости. Теперь они стали молчаливы. Перекинутся двумя-тремя словами, вздохнут — и по домам.

Когда к колодцу подходила жена Козича, Тарасиха, женщины расступались. Тарасиха, укутанная поверх полушубка тремя платками, начинала переступать с ноги на ногу, пыталась заговаривать:

— И чего это вы, бабоньки?.. Мне не к спеху. Погодить могу.

Женщины молча отворачивались. Тарасиха багровела. Сердито гремела цепь ворот, к концу которой, на крюк, привязывалось ведро. Набрав воды, Тарасиха, ни на кого не глядя, шла к дому. Иногда кто-нибудь из женщин в сердцах плевал ей вслед.

Однажды Тарасиха обронила ведро в колодец, беспомощно посмотрела вокруг. Женщины отвернулись. Тарасиха попробовала выловить ведро, но ей никак не удавалось подцепить его крючком. Молчание соседок угнетало, пугало. Тарасиху начало трясти, как в лихорадке. Она махнула рукой и, плача, убежала.

Кто-то из женщин выловил ведро и бросил в сугроб. Там оно и лежало, и никто не притрагивался к нему, будто оно было поганое.

Изредка в избе у Гайшиков появлялись незнакомые люди. Обычно они приходили с наступлением темноты. Коля молча надевал старый полушубок, тёплую шапку с жёсткими отвислыми

ушами и выходил на крыльцо — подежурить. Не заметив ничего подозрительного, Коля возвращался в избу и садился где-нибудь в стороне, чтобы не мешать разговору взрослых.

Василий Демьянович выздоровел, только лицо так и осталось бледным, бескровным, остроскулым, да порой всё его тело начинало сотрясаться от приступов удушливого кашля.

В такие вечера, когда кто-нибудь приходил, отец оживал, на щеках появлялся бледный пятнистый румянец, блестели глаза.

Пришедшие ужинали, грелись, рассказывали новости, а с рассветом уходили, чтобы к ночи появиться в другом селе, где-нибудь за десятки километров от Вольки-Барановской.

Были среди них и старики, и молодые, и даже женщины, кутавшиеся в платки.

Но во всех Коля подмечал одну и ту же черту: какую-то спокойную уверенность, неторопливость, обстоятельность. Несмотря на то, что все они рисковали быть каждую минуту схваченными, подвергнутыми пыткам, даже казнёнными, в них незаметно было ни тени страха.

И в глазах этих людей можно было подметить одно и то же выражение сосредоточенности. Это были глаза солдат.

Ах, как Коля завидовал этим людям, непримиримым, твёрдым, удивительным!

Партизан — мужественное слово, раньше знакомое по книгам, теперь ожило, стало осязаемым, самым чудесным, непостижимо большим словом.

К партизану можно было прикоснуться, пожать ему руку, посидеть с ним ря-

дом, похлебать картофельный суп из одного чугунка.

И Коля смотрел на прихорюивших влюблёнными глазами, и те, перехватив его взгляд, улыбались в ответ, и на какое-то мгновение тёплая улыбка снимала с их лиц жёсткую суровость.

Часто по ночам, свернувшись клубком под одеялом, Коля думал о партизанах, представлял себе их лагерь в лесу. Как роют они землянки, упрямо вгрызаясь в мёртвую почву. Как делают из свежих брёвен могучие «накаты» — крыши, ладят печи. А вокруг лагеря стоят часовые. И нет в этот дремучий лес никому дороги. Только они, партизаны, знают те неприметные тропы, что ведут в лагерь.

И в такой вот землянке живут его друзья: и строгий товарищ Мартын, и Алексей, и весёлый Сергей. Каждый день вспоминает их Коля, каждый день ждёт, может, придут. Но дни складываются в недели, недели — в месяцы, а их всё нет и нет.

Иногда Коле начинало казаться, что с ними что-нибудь случилось. Он представлял себе Сергея лежащим где-нибудь у дороги, в снегу, со смертельной раной в груди... И больно сжималось сердце и неприятно щекотало в носу. Но Коля старался отогнать эти тревожные мысли.

Плохо спалось длинными зимними ночами и Тарасу Ивановичу Козичу. Жил он в Ивацевичах в доме своего дальнего родственника Лубенца. Сам Лубенец был в армии, сражался с фашистами где-то на юге. Жена его, Варвара, осталась одна с пятью ребятишками. Старшему было девять лет, а младшему несколько месяцев. Жить было трудно, и, если бы не нужда, ни за что не пустила бы Варвара Козича, которого и раньше-то недолюбливала, а сейчас, когда Козич стал работать на немцев в управлении войта, возненавидела лютой, неприемлимой ненавистью.

Но приходилось терпеть. Надо было кормить ребятишек, а Козич был хорошим постояльцем. Он где-то добывал то

шматок сала, то мешок картошки, то пару банок каких-нибудь консервов.

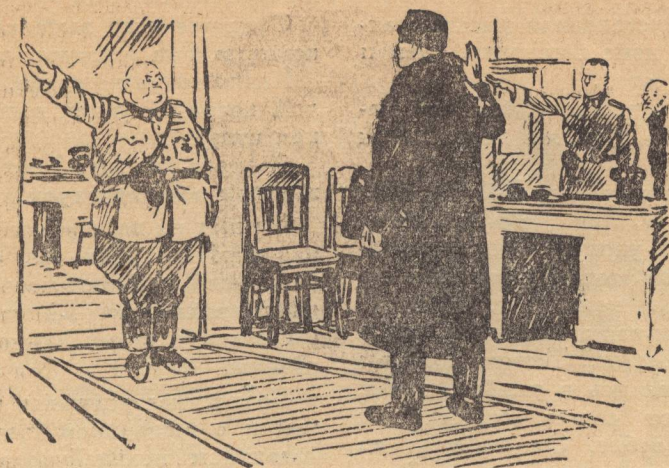
С ребятишками Козич был ласков. Иногда одаривал их безвкусной шоколадкой в пёстрой обёртке или сладковатыми мятными лепёшками.

Но даже за это не питала Варвара к нему чувства благодарности, с горечью, молча принимала помощь Козича. Когда Козич заговаривал с ней, отвечала неохотно, односложно, сквозь зубы.

Днём, когда Козича не было дома, Варваре дышалось свободней. Часто, укачивая младшего сынишку в большой корзине, сплетённой из ивовых прутьев, Варвара вспоминала мужа Ивана. Вернётся Иван — осудит её за Козича. А что она может сделать — одна, сама-шестая? Как прокормить ребятишек? Не в управу же идти полы мыть! В глазах закипали слёзы, и Варвара смахивала их концом старенького ситцевого передника, чтобы дети не увидали.

По утрам Козич, умываясь, гремел ковшом и фыркал в сенцах. Варвара ставила на стол хлеб, молоко, сало. Козич, покрестившись на образа, садился за стол и ел медленно, аккуратно. Собирал со стола толстыми, желтоватыми от табака пальцами упавшие хлебные крошки и отправлял в рот. Варваре хотелось треснуть чем-нибудь по сияющему черепу Козича, разбить в кровь его ласково-улыбчивый рот. Но она только

крепче сцепляла пальцы под передником и старалась не смотреть на постояльца.

Потом Козич уходил в управу.

Днём, видя шагающие по улицам патрули, часового под окнами управы, Козич чувствовал себя спокойно. Но домой старался вернуться засветло. Запирал двери на три специально сделанных запора, наглухо закрывал ставнями окна.

С дневным светом уходил покой, с вечерними сумерками появлялось гнетущее чувство страха. Козич пробовал глушить его самогонкой. Он напивался и, шатаясь, храбро выходил на улицу. Скрипел под неверными шагами снег. Но стоило неведальке мелькнуть тени одинокого прохожего, упасть с ветки дерева снежному кому, залаять собаке, Козич вздрагивал, начинало сосать под ложечкой, лоб мгновенно покрывался холодным липким потом. Козич трезвел и опрометью кидался в дом.

Страх не пускал его в родную деревню, к жене. Даже в воскресенье на лошади не решался он навестить Тарасиху. Не знал, что с ней, что с хозяйством — цело ли, не сожгли ли партизаны дом.

Партизаны! Пуще всего боялся Козич партизан.

Будь его воля, он бы закрылся у себя в доме, за высоким забором. Сидел бы там, не вылезая. Чёрт с ними с немцами! Он бы, Козич, переждал это смутное время. Главное — выжить!

И дёрнула же его нелёгкая поторопиться услужить новой власти! Хотел всех опередить, выгадать, заработать! Ах, вот оно как повернулось. Кто ж знал, что народ так за советскую власть держаться будет, ни пули, ни петли не страшась? Ведь какая махина навалилась на Россию, а вот, поди ж ты, Москву-то не сломили, не взяли. Обещают только.

Просыпался Козич по ночам, скрипел зубами от страха да тоски. Думал, прикидывал, вздыхал. А выхода не было. От немцев уйдёшь — немцы убьют, с немцами будешь — партизаны укошат. И всё же с немцами спокойнее. Немцы, они здесь, рядом, вооружённые, сильные, а партизаны пока что далеко.

Вот приехал господин Эрих Вайнер. Твёрдый человек, не гляди, что молодой. Он им покажет, партизанам!

Господин Эрих Вайнер прибыл в Ивашевичи со специальным заданием. Несмотря на то, что он был молод и одет в штатский костюм, немцы говорили с ним почтительно. Был он высок, строен, белокур, голубоглаз, с красиво очерченным ртом и прямым, с небольшой горбинкой носом. Над чуть припухлой верхней губой красовались небольшие светлые усики.

Эрих Вайнер приехал в конце января в блестящей штабной машине, в сопровождении нескольких солдат-эсэсовцев и поселился в отведённом ему домике рядом с военной комендатурой. Забор вокруг дома обмотали колючей проволокой.

кой. На крыше установили высокую антенну. У двери дома бессменно, днём и ночью, стоял часовой.

Ходили слухи, что приезжий разговаривает по радио чуть ли не с самим Гитлером.

Сразу же после приезда Вайнер нанёс визит коменданту. Как раз в это время Козич принёс из управы бумаги на подпись и видел, как выскочил из кабинета навстречу гостю комендант, грузный, с бычьей шеей и карими навывкат глазами господин Штумм. Тонкие бледные губы его расплозились в улыбке, глаза, казалось, вот-вот совсем готовы были выскочить из орбит. Он выбежал из кабинета с удивительным для такой туши проворством и вытянулся у двери. Сидевшие в углу у стола два офицера тоже встали и вытянули руки по швам. Встал и Козич, спрятав за спину руку с потрёпанной меховой шапкой.

Приезжий прошёл через комнату, ни на кого не глядя. Остановился возле коменданта.

— Господин Штумм?

— Так точно! — хрипло рявкнул комендант.

Приезжий протянул ему красивую, по-девичьи белую, руку, коротко бросив:

— Вайнер.

И прошёл в кабинет. Комендант устремился следом.

Офицеры тихо вытолкали Козича из комнаты и на цыпочках вышли сами.

Козич тогда же понял, что этот молодой, красивый немец в штатском — важная птица.

А через два дня Козича неожиданно вызвали в комендатуру.

Он шёл по заснеженным улицам, подняв воротник. День был солнечный, безветренный, с лёгким морозцем, но Козича познабливало. Каждый раз, когда вызывали в комендатуру, его начинало знобить.

Козич умел услужить и ладил с войтом и с господином Негребецким, начальником полицайуправления, человеком жестоким и хитрым. Но коменданта Штумма Козич боялся. Боялся его огромной фигуры, его хриплого, лающего голоса, боялся не угодить ему каким-нибудь лишним словом. Рассказывали, что у коменданта бывают вспышки гнева и тогда — берегись! Однажды, во время такой вспышки, он застрелил в своём кабинете чем-то провинившегося полицейского. Взял и выпустил ему в живот всю обойму из своего пистолета. Потом открыл дверь и уже спокойным голосом велел «убрать эту падаль подальше».

А вдруг и он, Козич, попадёт к коменданту под горячую руку?

Он шёл по улицам, стуча зубами от озноба, замедляя шаги, чтобы оттянуть страшную встречу. А потом подумал, что комендант может рассердиться за то, что он, Козич, заставил себя ждать, и вдруг почти побежал, шалея от ужаса и проклиная всё на свете.

Преодолев озноб, он тихонько постучал в дверь кабинета, вернее, поскрёб, как мышью.

— Битте!

Козич приоткрыл дверь и вошёл.

В кресле за столом коменданта сидел молодой немец в штатском — господин

Вайнер, а сам господин Штумм приспосаблился сбоку у стола на венском стуле. Оба смотрели на Козича. Штумм закинул ногу на ногу, и стул под ним жалобно скрипнул.

Козич облизнул вдруг пересохшие губы и сказал:

— Приказывали, господин комендант.

— Здравствуйте, товарищ Козич, — сказал Вайнер по-русски чисто, даже, пожалуй, слишком чисто выговаривая слова.

Козич растерялся. Вайнер, видимо, остался доволен произведённым впечатлением. Он весело рассмеялся, обнажив ровные белые зубы. Штумм скривил губы и издал хриплый звук, тоже, очевидно, обозначающий смех.

Козич никогда не видел Штумма смеющимся, и смех этот напугал его больше, чем комендантский гнев.

— Садитесь, — пригласил Вайнер и кивнул на стул.

Это было очень кстати. У Козича начали дрожать колени, и он никак не мог унять эту дрожь. Он сел на краешек стула. Стало легче.

— Мы пригласили вас, господин Козич, чтобы сказать, что не очень довольны вами, — лицо Вайнера сделалось серьёзным.

Штумм забарабанил толстыми, как сардельки, пальцами по столу.

— Немецкое командование очень благожелательно относится к людям лояльным, к людям, которые помогают ему восстанавливать в России законный порядок. Вы предложили немецкому командованию свои услуги, как честный русский патриот, и мы это ценим. Но мы недовольны вами. Вы плохо выполняете свою историческую миссию, господин Козич.

Вайнер замолчал и пристально посмотрел Козичу в глаза, будто гипнотизируя, внушая ему каждую свою мысль. Козич снова облизнул сухие губы и тихо выдал:

— Я стараюсь, господа...

— Плохо. Плохо стараетесь, господин Козич! — грозно сдвинув брови, прохрипел Штумм.

— Слышите? — Вайнер покачал головой. — Господин комендант утверждает, что вы плохо стараетесь.

Козич опустил глаза и потёр дрожащие руки.

— А между тем вы, при желании, могли бы быть полезны немецкому командованию и пострадавшей России.

— Всегда готов служить, — прошептал Козич, и в голосе его прозвучали нотки отчаяния.

Вайнер улыбнулся:

— Вот и отлично, господин Козич. Где находятся партизаны? А?

Козич подумал.

— В лесах прячутся.

— В каких?

— Не могу знать.

— А надо знать. Вы — местный житель. У вас здесь есть родственники, друзья, соседи. Нам очень надо знать, где именно находятся партизаны. Они сеют смуту. Сочиняют какие-то сводки Совинформбюро, дезориентируют население. Вот, полюбуйтесь! — Вайнер взял какую-то бумажку со стола и помахал ею над головой. «Сбито 116 самолётов!» — Возмутительно! Красная Армия разгромлена. Доживает свои последние дни. Чем же, спрашивается, она сбивает самолёты?

— Так точно. Нечем, — сказал Козич.

— Вот видите, — Вайнер снова укоризненно покачал головой, будто считал виновным в появлении листовок со сводками Совинформбюро Козича. — Нам надо знать, каким путём эти листки попадают в Ивацевичи. Слышите, Козич?

— Так точно.

— Также важно узнать, где партизаны берут продовольствие. Не едят же они еловые шишки!

— Не едят, — согласился Козич.

— Вот вы этим и займитесь. Командование не пожалеет ни денег, ни награды, господин Козич! — Вайнер снова улыбнулся.

— Но если вы не приложите должного старания...

Вайнер замолчал, продолжая улыбаться. Козича снова затряс озноб, и на лбу выступила холодная испарина.

— Я буду стараться... — прошептал он.

— Надеюсь. — Вайнер встал.

Козич стремительно вскочил со стула.

— Вот вам пока. На расходы. Отчёта не надо. Было бы сделано дело. — Вайнер небрежно бросил на стол толстую пачку денег.

У Козича, несмотря на страх, вновь охвативший его, алчно сверкнули глаза.

Вайнер засмеялся:

— Берите!

Козич взял деньги и торопливо сунул их за пазуху.

— Я могу идти?

— Идите. Желаю успеха.

Козич, пятясь задом и кланяясь, вышел из кабинета.

Когда захлопнулась дверь, Вайнер снова засмеялся.

— Порядочная скотина этот Козич! — сказал он по-немецки.

— Все они здесь скоты, господин Вайнер, — прохрипел Штумм.

— Что поделаешь! Приходится работать с тем материалом, который есть. Их мы повесим последними!

Вайнер, довольный своей шуткой, весело захохотал. У Штумма внутри что-то забулькало в ответ.

Бидон молока

КОЗИЧ был рад деньгам. Он пересчитал их несколько раз. Сумма была порядочной. Деньги были советские. Это хорошо. Оккупационные марки немцев шли туго, советские деньги брали куда охотнее. Но радость была омрачена. Деньги надо отрабатывать, хитрить, изворачиваться, выспрашивать, вынуживать.

Козич знал, что в Ивацевичах немало партизанских явок, что порой посёлок навещает даже сам бывший секретарь райкома. Но где эти явки? Как их найти?

А перед глазами всё время стояла улыбка Вайнера, и в ушах звучал его приветливый голос: «Если вы не приложите должного старания...»

Козич толкался на рынке, прислушиваясь и присматриваясь. Заговаривал с людьми, менял, покупал, продавал. Но всё безрезультатно. Ни намёка на партизан. Съездить бы в Вольку-Барановскую! Может, жена что знает. Да и дав-

но не видал её, дома не был. Хоть бы кто из Вольки на рынок приехал! Порасспросить. Да куда там! Кто в такое время на рынок поедет в такую даль!

И всё-таки Козич встретил односельчанина.

В то утро, наскоро поев, Козич вышел на пустынную улицу. Сыпал снег, мелкий и жёсткий, как крупа. Февральский студёный ветер подхватывал его, тащил по твёрдому снежному насту, закручивал в маленькие смерчи, тут же бесильно опадавшие у покосившихся заборов.

Козич надвинул шапку на уши, поднял воротник и собрался было двинуться в управу, как вдруг заметил в конце улицы маленькую заснеженную фигурку.

«Кто бы это?» — подумал Козич и стал ждать. Фигурка приближалась. Это был подросток, в старом полушубке, подпоясанном солдатским ремешком, в шапке-ушанке и больших подшитых валенках. Подросток тащил за собой санки. На санках стоял привязанный к ним верёвкой и окутанный мешковиной какой-то предмет. По контурам Козич догадался — бидон.

Когда подросток поравнялся с Козичем, Козич узнал его и радостно закричал:

— Микола! Здравствуй!

Подросток остановился. Вот кого не хотелось бы встретить! Но ничего не поделаешь. Отступать поздно. Он улыбнулся:

— Здравствуйте, Тарас Иванович!

— А я тебя, Микола, разом и не признал. Растёшь. Скоро добрым мужем станешь, — обрадованно заговорил Козич. — Уж не на рынок ли молочко везёшь?

— На рынок.

— Экую далищу, да по такой погоде! Замёрз, поди, и заголодал? Заходи-ка, заходи-ка в избу! Я Гайшикам завсегда рад, — ласково пропел Козич и, взяв из рук Коли верёвку от санок, потащил их к крыльцу.

«Вот положение! Принесла же нелёгкая Козича!» — подумал Коля.

— Некогда мне, Тарас Иванович. — Он уцепился за верёвку и потащил санки к себе. — Молоко продать надо. Муки маленько купить, да домой. День короткий.

Но Козич не слушал и настойчиво тянул санки.

— Заходи, заходи, гость дорогой! Поешь, обогрейся. А молоко я тебе помогу продать. Это для нас ничего не составляет. — Козич открыл дверь и втащил санки с бидоном прямо в сени. — Заходи! Варвара, приготовь-ка что поесть. Сымай полушубок-то.

Коле ничего не оставалось делать. Козич почти насильно втащил его в горницу и стал снимать с него заснеженный полушубок.

Ребятишки, сидевшие на печке, притихли и с удивлением смотрели на незнакомо.

— Садись, садись, — пел Козич, усаживая Колю на лавку возле стола. — Как батя-то, поправился?

— Кашляет...

— Ай-яй-яй... — вздохнул Козич, и лицо его сделалось печальным, сморщенным, даже лысина сморщилась и померкла. — Да-а, били они его, шибко били... Насилу вырвал я твоего батю. Уговорил отпустить.

И Козич пустился, вздыхая и охая, рассказывать о том, как он хлопотал за друга своего Василия Демьяновича и перед войтом, и перед господином Негребецким, и даже перед самим страшным Штуммом. В ногах валялся, ручательство давал. А господин комендант так осерчал, что чуть не пристрелил бедного Козича.

Козич рассказывал, и при этом на белёсых, подслеповатых глазах его то по-

являлись, то высыхали слёзы. И так убедительно он говорил, что Коля готов был поверить ему, не будь он Козичем. Но Козичу Коля не поверил бы, даже если бы тот говорил правду. Разве не он привёл тогда немцев в их избу? Нет, Коля, пока жив, не забудет того дня!

— Спасибо вам за всё, Тарас Иванович.

— Да не за что, сынок. Мне будет худо — батя твой выручит. А как же! В миру живём. Человек человеку всегда помочь должен. В миру живём, — ласково повторил Козич.

Варвара, громко гремя ухватом, метнула на стол чугунок картошки. Поставила тарелку с хлебом и вяленую воблу.

— Поешь-ка, поешь-ка, — предложил Козич. — Вот видишь, сколько у Варвары ребятишек. А я ей помогаю. Картошечки или ещё чего подбрасываю. Так-то...

Варвара бросила на Козича злобный взгляд и отвернулась.

«Не очень-то она тебя любит», — подумал Коля. Он бы с удовольствием отказался от угощения, но это было неудобно, и он, давась, принял за картошку. А Козич расспрашивал его о своём доме, о Тарасихе. Коля подробно, чтобы досадить Козичу, рассказал, как Тарасиха утопила ведро и ушла от колодца не солоно хлебавши.

Козич закусил губу, белёсые глазки его сверкнули, но тотчас потухли.

— Зря это они, бабоньки-то... Я что? Я ведь ничего такого... Только, чтоб жить. Вот скоро к партизанам подамся, — неожиданно сказал он и покосился на Колю.

Ни один мускул не дрогнул на Колином лице. Он проглотил картофелину, повернулся всем корпусом к Козичу, лицо его стало доверчиво-простоватым. Он спросил:

— К каким, Тарас Иванович?

— Будто не знаешь, — хихикнул Козич и шутливо погрозил Коле пальцем. — К тем же, что и к вам заглядывают.

— К нам? — удивился Коля.

— К Василию Демьяновичу, — уточнил Козич. — Я-то знаю, но ты не бойся, дальше меня никуда не пойдёт. — Козич вдруг перешёл на таинственный шёпот: — Ты так отцу и скажи. Мол, Козич не выдаст, могила. Скажешь?

Коля по-отцовски прищурился:

— А чего не выдадите-то?

— Ну, что партизаны у вас бывают.

«Крути, крути, лиса», — подумал Коля и сказал:

— Если б заходили! — и тоже перешёл на шёпот. — Тарас Иванович, а вы, верно, живых партизан знаете? Покажите. Хоть бы одним глазком взглянуть! А то все говорят — партизаны да партизаны...

— Кто говорит? — торопливо спросил Козич.

— Да все ж. Вот и вы тоже. А какие они?

Козич кашлянул.

— Обыкновенные. Я тебе при случае покажу.

— Верно? А не обманете?

— Вот истинный крест, — перекрестился Козич.

— Ой, спасибо вам, Тарас Иванович! И за угощение спасибо. Мне пора. День-то короткий, а ещё молоко продать надо. Да муки купить.

— Муки у меня нет, а молоко... Посиди-ка пяток минуток. Я быстро обернусь.

Козич накинул шубу и вышел.

Коля остался сидеть на лавке. Неожиданный уход Козича озадачил его. Он не знал, что и подумать. А вдруг Козич догадался и пошёл за солдатами? Вот сейчас они войдут, заберут его, Колю, и бидон с молоком и потащат в полицайуправление. Коле стало не по себе. Уйти? Бидон оставлять нельзя. А с бидоном далеко не уйдёшь. Всё равно поймают. И потом, с чего Козич догадается? Может, он по какому другому делу вышел, и торопливый уход Коли только вызовет у него подозрение, заставит насторожиться?

Ребятишки завозились на печке. Старший слез и начал совать босые ноги в старые валенки. Чтобы отвлечься как-нибудь от неприятных мыслей, Коля спросил:

— Тебя как звать?

— Виташка, — мальчик громко шмыгнул носом и утёр его рукавом.

— А платка у тебя нет?

Виташка промолчал. Варвара, не обращившись и не обращая внимания на Колю, возилась с маленьким. Наступившее молчание показалось Коле тягостным, и он спросил Виташку:

— А батя твой где?

— На фронте. Фашистов бьёт!

— Цыц ты, окаанный! — крикнула Варвара, подбежала к Виташке и дала ему крепкий подзатыльник. — Марш на печку! Распустил губы-то!

Виташка надулся, но не заплакал. Видно, упрямый был мальчишка. Засопел и молча полез на печку.

Варвара сердито посмотрела на Колю и снова занялась маленьким.

«Чего это она?» — удивлённо подумал Коля.

В это время вернулся Козич с большим новеньким бидоном в руках, поставил бидон возле двери.

— Вот. Покупаю у тебя всё молоко. Для ребятишек.

Коля оторопел.

— Почём продаёшь?

— Как все.

— Ну и ладно. Я тебе ещё по трёшнице лишней дам на литр. Много ли у тебя его?

— Литров тридцать, не то тридцать два, — соврал Коля, явно преувеличивая, чтобы напугать Козича цифрой.

— Ну и ладно, — сказал Козич. — Сейчас зима, не скиснет. А тебе сотенка перепадёт. Мне не жаль, бери!

— Да что вы, Тарас Иванович! И куда вам столько! Сколько надо, я отолью, — торопливо заговорил Коля.

— Ничего-о, — протяжно сказал Козич, — ребятишки выпьют. А ты куда же потащишься в такую вьюгу на рынок! Всё беру. И с бидоном вместе. Вот. Забирай новый. И жене моей записочку отнесёшь за это.

— Не надо, Тарас Иванович! — жалобно сказал Коля. — Мне за тот бидон от бати влетит!

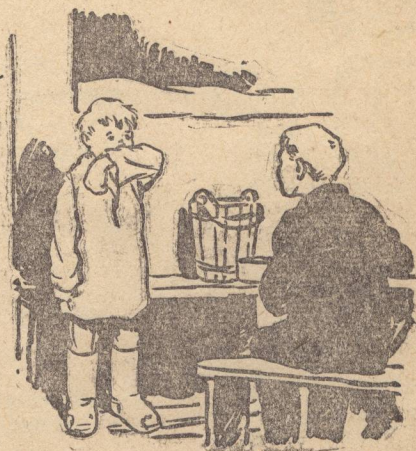
Козич ласково засмеялся:

— Ну-ну, ладно, будь по-твоему.

И вышел в сени.

«Что делать?» — подумал Коля. — Молоко надо отвезти по адресу. Во что бы то ни стало! Что делать?»

Козич вернулся из сеней с Колиным бидоном.

— Варвара, перелей-ка!

— Не надо! — взмолился Коля.

Козич удивлённо поднял брови:

— Ты ж на продажу привёз?

— На продажу, — ответил Коля упавшим голосом.

— Вот я и купил. Давай поживей, Варвара. А я записочку жене напишу.

Козич начал считать деньги.

Варвара сняла крышку с нового бидона.

— Чистый?

— Чистый, чистый, — буркнул Козич, мусоля пальцы.

Варвара сняла крышку с Колиного бидона, подняла его и наклонила. Струя молока звонко ударила о дно нового бидона. Коля побледнел и закусил губу.

Варвара заметила, как что-то продолговатое, тёмное мелькнуло в молоке и исчезло в горле нового бидона. Она удивлённо подняла брови, скосила глаза на Колю и увидела его побледневшее, напряжённое лицо, закусенную губу. «Что-то здесь не то», — подумала Варвара. Она перелила молоко. Поставила

пустой бидон на пол и выпрямилась.

— Хорошее молоко, — сказала она. — Вот тебе твой бидон.

Коля перевёл дух.

— У нас в Вольке завсегда знатное молоко было. Сень хорошее, — сказал Козич. — На вот. — Он протянул Коле деньги и принялся за письмо.

В избе наступила тишина. Козич кончил писать, сложил листок и заклеил его жёванным хлебным мякишем.

— Держи. Отдай Елене. И привет передай. А повезёшь ещё молоко — милости прошу. Всегда куплю.

— Спасибо, Тарас Иванович, — с трудом сказал Коля.

— Одевайся-ка.

— А может, я посижу немного, Тарас Иванович. С ребятишками поиграю. С Виташкой вот. На базар-то идти не надо с молоком. Выручили вы меня.

Козич заулыбался:

— Что ж, посиди, сынок, в тепле. И я бы посидел, да идти надо.

Козич ласково попрощался и ушёл.

Коля остался сидеть на лавке.

(Продолжение следует)

ПЕРВАЯ книжка
московского
поэта Юрия Яковле-
вича Яковлева «Наш
адрес» увидела свет
в 1949 году.

С тех пор из-под его пера вышло около двух десятков книг. Малыши полюбили героев его стихов—Андрейку и смелого Никиту. Пионеры знают его книги «Какая сегодня погода», «Высотный змей», «Шёл отряд», «Старый барабан», книжку-поэму «Петрушка».

Мы публикуем новую сказку Юрия Яковлева «Жил-был Огуречик».

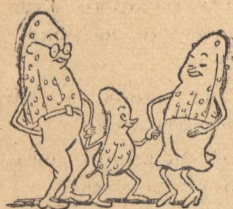

Юрий Яковлев

Рисунки М. Бекташева

Жил-был Огуречик

Сказка

Жил-был Огуречик,
Как маленький человечек,
На папу и маму похожий —
Такой же зеленокожий.

Ночью мама-огурчиха
Напевала сыну тихо:

«Огуречик, Огуречик,
Не ходи на тот кончик:
Там мышка живёт,
Тебе хвостик отгрызёт».

Только глаз не смыкает
Зелёный малыш,
Он всё думает:
«Что за зверь эта мышь?
Видно, очень опасный,
Рогатый, клыкастый...»

А потом Огуречик подрос.

Надел он шляпу
Из лопуха,
Перо попросил он
У петуха.

Сшил кафтан
Из капустных листков,
Сапоги стачал
Из стручков.

Подпоясался он вьюнком,
Словно кожаным пояском.

И отправился странствовать.

Идёт-бредёт Огуречик
Мимо лесов и речек,
Взбирается он на горы,
Перелезает через заборы.

Похрустывает вкусно
Его кафтан капустный,
Шлёпают башмачки —
Гороховые стручки.

Машет шляпой он встречным,
Улыбается ртом огуречным.

Светит круглое солнце ему
с высоты.

Смело путник идёт,
Но глядит на кусты:
«Что, какмышь поджидает
меня у куста?
Что, как я возвращусь на гряде
без хвоста?»

День идёт,
Два идёт,
Три идёт.

Вдруг он видит:
Под деревом плачет
щеглёнок,
Желторотый,
Совсем ещё, видно, ребёнок.

Поспешил Огуречик
туда.
— Что случилось?
— Упал из гнезда.
И теперь я один тут
сiju...
Говорит Огуречик:
— Давай посажу.
Понадейся
на Огуречика! —
И подставил зелёное
плечико.

Огуречик зашагал дальше.

Подбежал к Огуречику заяц
худой,
Поделился с прохожим своею
бедой:
— В кладовой моей пусто —
Ни листочка капусты.

— Не могу тебе, серенький,
дать я кочан,
А могу тебе дать свой
капустный кафтан.

Заяц сгрыз
Весь кафтанчик капустный
И сказал, облизнувшись,
— Он вкусный!

И снова Огуречик в пути.

Вдруг он видит:
По берегу курица бегаёт
И тревожно петух
Кукарекает:

— Наш цыплёнок
Нырнул за утёнком.
Что же будет
С несчастным ребёнком?

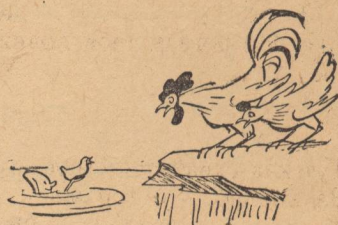
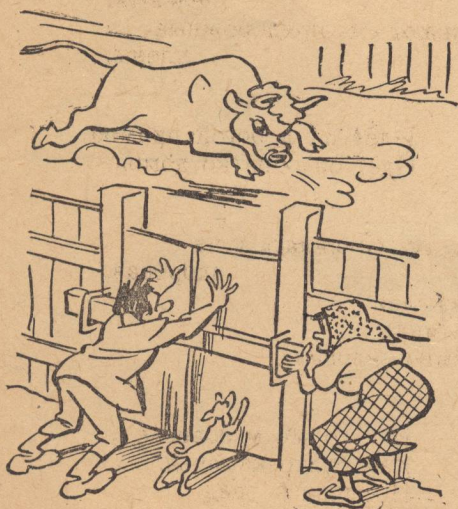
Ко-ко-ко,
Помоги!
Ко-ко-ко,
Помоги!

Огуречик снимает скорей
сапоги,
С головы он срывает лопух:
И бежит во весь дух!

Огуречик нырнул
И лягушку спугнул.
Вот пловец-огурец
Появился в реке.
Жёлтый, мокрый комочек
Он держит в руке.

Не беда, что промок
У ныряльщика пух.
— Жив сынок, цел сынок! —
Поднял крылья петух.

— Вы герой, Огурец! —
Воскликает отец. —
Ведь себя не щадя,
Вы спасли нам дитя!
Спасибо Вам, Огуречик!

Путешествие продолжается.

Вдруг слышится топот,
Вдруг слышится рёв.
Народ закрывает
Ворота дворов.

Скорей убегай!
Скорей убегай!
Сорвался с цепи
Бугай Напугай.

В этот миг из травы
 придорожной, густой
 Кто-то крикнул быку Напугаю:
 — Постой!
 От меня ты, рогатый,
 не убежишь!
 Я тебя не боюсь.
 Я боюсь только мышь!

Наклонил свою грозную голову
 бык:

— К разговору такому
 Я не привык.
 Это что там за мелкая тварь,
 не пойму.
 На рога я тебя подниму!
 М-у-у-у!..

Тут как схватится смело рука
 За кольцо, что торчало
 в ноздрях у быка.

И Напугай послушно пошёл
 за Огуречиком.

— Что за смелый герой?
 — Что за храбрый боец?
 — Посмотрите,
 Да это простой огурец!
 — Не простой огурец,
 Огурец-молодец.
 Может сыном гордиться
 отец!

Идёт по земле Огуречик
 зелёный.
 Кивают ему придорожные
 клёны.

Идёт он дорогой прямой,
 Идёт он обратно домой.

Но тут появилась туча
 здоровая,
 Тяжёлая,
 Дымная,
 Тёмно-лиловая.

И в то же мгновенье,
 Как будто камня,
 Посыпался град.

Открытое поле кругом.
Беги, Огуречик, бегом!

Бежит Огурец без оглядки,
Бежит он к родной своей
 грядке.

И лёг он на грядку,
Как будто в кровать,
И заболел.

Пришла к нему докторша
 Свёкла:

— На вас вся рубашка
 промокла.

Послушаем, как у вас
 с сердцем,

Пропишем микстуру вам
 с перцем. —

Тут Перец свой красный
 выставил нос,
И вот что, наморщившись, он
 произнёс:

— Больной очень крепок.
Он крепче всех репок.
Он будет здоров
И без докторов.

И Огуречик поправился.

Однажды забрёл Огуречик
На самый далёкий конечик.
И видит: зверёк незнакомый
На грядке расселся, как дома.

Хрустит на зубах у него
 кочерыжка.
— Ты что же здесь делаешь,
 серый воришка?

Зверёк напугался и убежал.

Тут сказал Огуречику
 старый отец:
— Ты совсем уже взрослый
 у нас огурец.
Ты же мышь с огорода
 прогнал!

И сказал Огуречик:
— А я и не знал.

Задумался Огуречик —
Большой огурец.
Тут и сказке конечик.
Тут и книжке конец.

Знаешь ли ты, что...

...местоположение Ленинграда определяется географическими координатами $59^{\circ}57'$ северной широты и $30^{\circ}19'$ восточной долготы от Гринвича. Таким образом наш город находится на одной широте с северной частью Камчатки и южной Аляской.

* * *

...Ленинград занимает территорию площадью в 32 468 га.

* * *

...в нашем городе 65 рек и каналов. Если все их вытянуть в одну линию, то голубая полоса воды протянется на 165 километров.

* * *

...в Ленинграде 101 остров. И мостов немало — около пятисот.

* * *

...длина Невы — 74 километра. По Ленинграду она протекает на протяжении 13 километров. Шири-

на реки колеблется от 300 до 600 метров.

* * *

Нева очень многоводная река: в одну секунду переносит она из Ладожского озера в Финский залив до 2440 кубических метров воды.

* * *

...Нева — река капризная. Не раз угрожала она городу, выходя из берегов. Первое наводнение было в 1777 году. Вода тогда поднялась на 321 сантиметр выше нормального уровня. Следующее наводнение, в 1824 году, было самым страшным. Уровень воды превзошёл тогда нормальный на 441 сантиметр. В 1873 году вода поднималась выше ординара на 297 сантиметров, а в 1924 — на 369 сантиметров.

* * *

...средняя годовая температура в Ленинграде составляет $+4,1^{\circ}$ по Цельсию.

* * *

...датой основания Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда считается 16 мая 1703 года (по старому стилю). В этот день на Заячьем острове была заложена Петропавловская крепость.

* * *

...самым высоким зданием Ленинграда является собор Петропавловской крепости. Его шпиль с ангелом достигает 122,5 метра. Высота Исаакиевского собора — 112 метров.

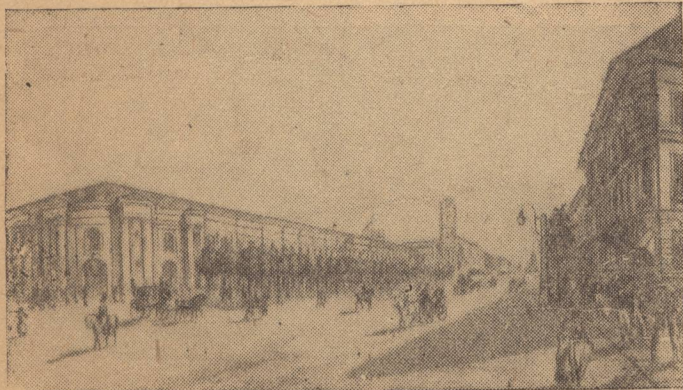
* * *

...самый длинный фасад имеет здание Главного штаба на Дворцовой площади — 530 метров. Это один из длиннейших фасадов в мире.

* * *

...Александровская колонна — памятник победы над Наполеоном — величайший в мире монолитный гранитный монумент. Высота её — 47,5 метра, вес — 244 тонны, а всего сооружения — 600 тонн.

Ствол колонны высечен из скалы в одной из бухт Финского залива. В течение трёх лет рабочие вручную тесали эту гранитную улыбу. Под основание колонны было забито 1250 свай.

Вид Невского проспекта у Гостиного ряда в 1820—1830 гг.

30 августа 1832 года две тысячи солдат при помощи сложной системы блоков вкатили колонну на высокий помост и плавно опустили на заранее подготовленный пьедестал. Колонна свободно стоит на кубе из четырёх блоков, ничем не связанная с основанием и держась только своей тяжестью.

Создал колонну архитектор О. Монферран.

* * *

...в 1500 году на месте нынешнего Адмиралтейства стояла русская деревня Гавгуева, в которой (как сообщает древняя рукописная книга) было «два двора, душ мужеского пола, людей тяглых — 2», «сена косили 20 копен, а хлеба сеяли 6 коробей».

* * *

...длина Невского проспекта 4,5 километра. Ширина — до 35 метров.

* * *

...в Зимнем дворце 1050 парадных и жилых зал, 1945 окон, 1786 дверей, 117 лестниц.

Долгое время Зимний дворец был самым высоким зданием города, так как в 1843 году царь Николай I отдал приказ, по которому частные дома должны были

Городской возок с фрейторами в начале XIX века.

уступать дворцу по высоте хотя бы на сажень. Приказ этот действовал вплоть до 1905 года.

* * *

...название реки Карповки произошло от финского Куорпи-йоки, что означало «Еловая речка».

Васильевский остров ранее имел название Хервесаари, что в переводе означает «Олений остров».

* * *

...на месте нынешнего Ботанического сада в начале XVIII века был «Аптекарский огород» — плантация для выращивания лекарственных растений. Этот огород и дал название острову.

* * *

...в первые годы строительства Петербурга река Фонтанка носила название «Безымянный Ерик», а своё имя она получила тогда, когда начала подавать воду для фонтанов Летнего сада.

* * *

...на месте нынешнего Лиговского проспекта раньше протекала речка Лига.

* * *

...в царствование Петра I для украшения Летнего сада из Рима была доставлена античная статуя Венеры. Пётр I очень дорожил ею и, поместив Венеру в большой галерее, установил около неё постоянную охрану из солдат. Так и стояла Венера с почётным караулом.

Сейчас статуя находится в Эрмитаже.

* * *

...самая длинная улица в Ленинграде — Московский проспект. Длина его более 10 километров. Московский проспект и самая широкая улица нашего города. Местами его ширина достигает 60 метров.

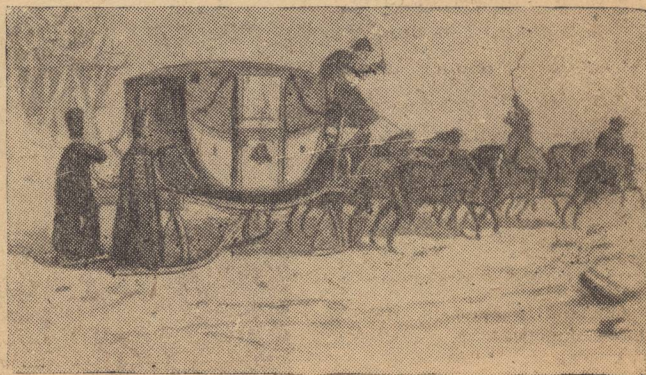
Проспект проходит точно по Пулковскому меридиану.

* * *

...первым мостом через Неву был Николаевский (ныне мост лейтенанта Шмидта). Построен он в 1855 году.

* * *

...самый длинный мост в нашем городе — Кировский. Длина его 600 метров.

Казанский собор в первой трети XIX века.

ше 155 тысяч человек — почти вдвое больше, чем в 1940 году.

* * *

...в Ленинграде сейчас более 400 тысяч школьников.

* * *

...общая площадь мраморной облицовки подземных дворцов Ленинградского метро составляет 22 тысячи квадратных метров.

* * *

...во время строительства первой очереди Ленинградского метро оборудование для него и материалы поставляли около 300 предприятий Советского Союза.

* * *

...водопровод нашего города построен 92 года назад.

...в Ленинграде есть канал, который не имеет набережных. Это — Морской канал. Он проходит от устья Невы до Кронштадта, протяжённость его 30 километров.

* * *

...улицы Ленинграда украшают сейчас 63 монумента. 38 из них созданы после Великой Октябрьской социалистической революции.

* * *

...в нашем городе 19 театров, 65 кинотеатров, 125 домов культуры и клубов, 1800 библиотек.

* * *

...зелёные насаждения в черте города занимают 4500 гектаров.

* * *

...в прошлом году в высших учебных заведениях Ленинграда обучалось свыше

...при строительстве Исаакиевского собора под его фундамент вбили 10 672 сваи. Забивали их в течение года безостановочно 11 000 человек.

* * *

...в 1779 году на устройство Дворцовой площади в Петербурге был объявлен первый в России архитектурный конкурс, победителем которого вышел архитектор Фельтен. Однако современный вид площади придал не Фельтен, а Росси.

Аничков дворец и Невский проспект в начале XIX века.

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

В РАЗГАР подготовки к сбору «Ленинграду — 250 лет» Лёва Мышкин, весельчак, выдумщик и фантазёр, сказал:

— Вот если бы на сбор пришёл... Пушкин.

Петя, председатель совета отряда, который обычно иронически относится к выдумкам друга, на этот раз неожиданно для всех поддержал его:

— Да, здорово было бы! Представь: открывается дверь и появляется Александр Сергеевич!..

...В вестибюль школы стремительной походкой вошёл человек невысокого роста. Пушкин! Он бросил на руки оторопевшей гардеробщице тёте Моте тёмный плащ, подошёл к зеркалу, оправил сюртук, пригладил курчавые волосы. Поднялся в пионерскую комнату, открыл дверь, сделал лёгкий, изящный поклон:

*Здравствуй, племя молодое,
незнакомое!*

Ребята встали и отдали великому поэту прошлого века пионерский салют. Торжественная тишина.

Первым её нарушил неугомонный Лёвка:

— Товарищ Пушкин, расскажите нам о старом Петербурге.

Пушкин прочёл:

Люблю тебя, Петра творенье...

— Эти стихи каждый пионер знает. Расскажите лучше о ваших знакомых.

— Вот, например, Евгений Онегин, — начал Пушкин. — Светский молодой человек...

— Франт, стилига, таких у нас комсомольский патруль задерживает! — воскликнул Лёвка.

— Преотменный патруль! Шармант! (Прелестно!) Так и надо, — сказал поэт.

— А у нас Ленский есть, — сообщили ребята. — Только не тот, которого убил ваш Онегин. А Лёша Ленский из 6-б класса. Он не поэт, а редактор стенной газеты. Исполнительный мальчик!

— А может быть, среди вас есть Капитанская дочка? — улынулся Пушкин.

— Конечно! Тамара Борисова. Счастливая она! У неё отец — капитан дальнего плавания. Ходил на корабле в Антарктику. Привёз королевского пингвина.

— Шармант! Шармант!

Разговор зашёл о политике. Начал его опять словоохотливый Лёвка:

— Товарищ Пушкин, а вы с царём были знакомы?

Поэт поморщился, видимо, вспомнил что-то неприятное:

— Да, я посещал двор императора Николая I.

— А царь, наверное, страшный был?

— Страшный. Жестокий тиран!

— А у нас нет царя, — промолвил Лёвка. — Рабочие прогнали его в 1917 году.

Глаза Пушкина засверкали, и он начал декламировать:

*Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.*

— Правильно! — сказали ребята. — Вашим именем названы улица, площадь, театр — не простой, а академический, Царское Село, где вы учились в лицее...

Пушкин от радости чуть не заплясал:

— Ай да Пушкин! Немедля надо посмотреть сии примечательные места. Карету мне, карету!

— Карет у нас нет, только в музеях. По телефону вызовем такси — автомобиль «Победу». Телегу, которая сама себя везёт. Понятно?

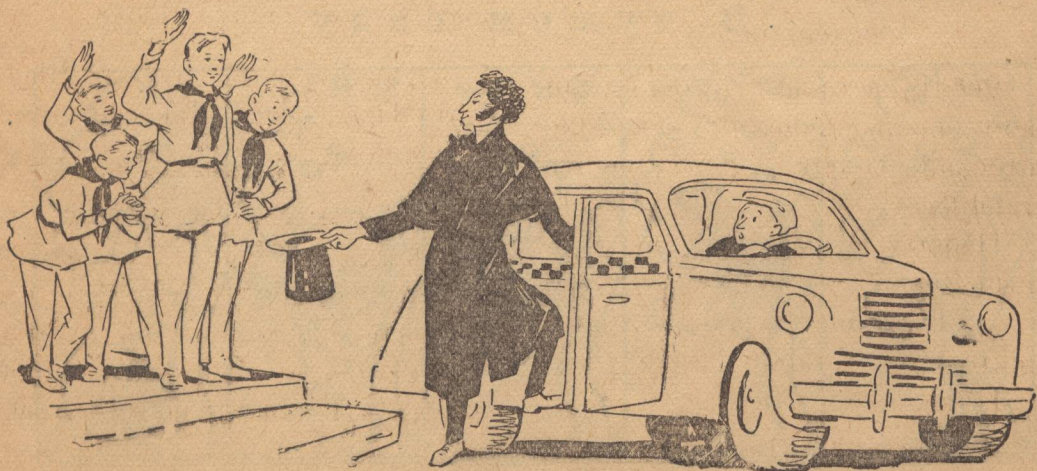
Пушкин закричал:

— «Победу» мне, «Победу!»

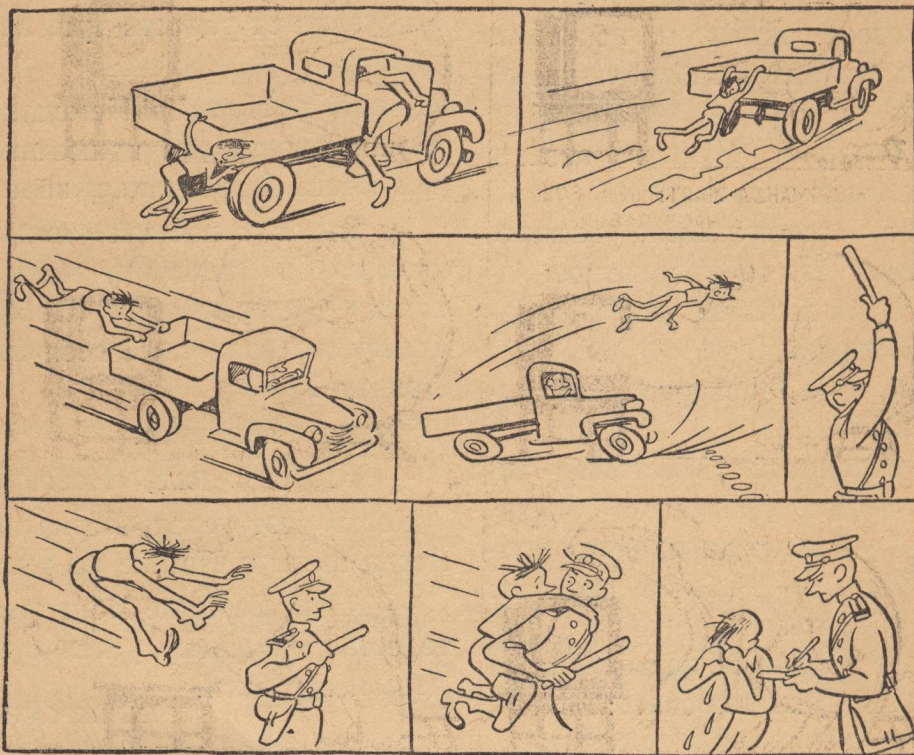
Когда поэт уехал, Лёвка незаметно шепнул Петьке на ухо:

— А ты Серёжке Бондаренко, то есть... Пушкину успел сунуть деньги на такси?

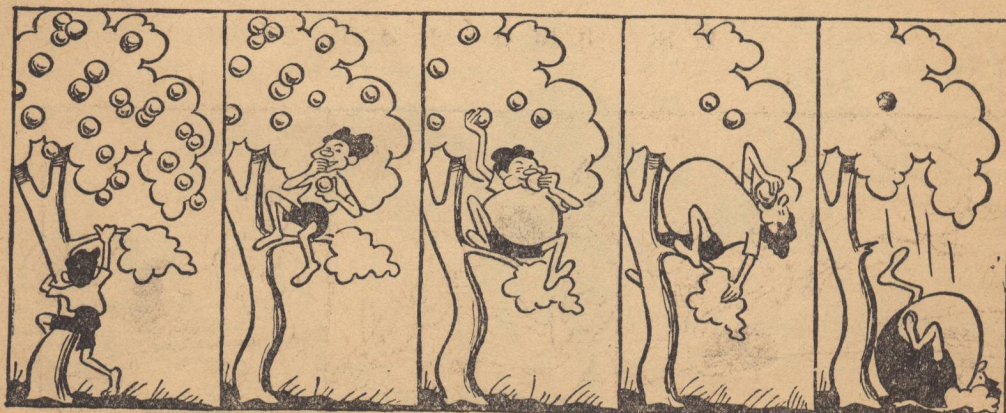
М. БЕРЕЖНОВ

Прокатился

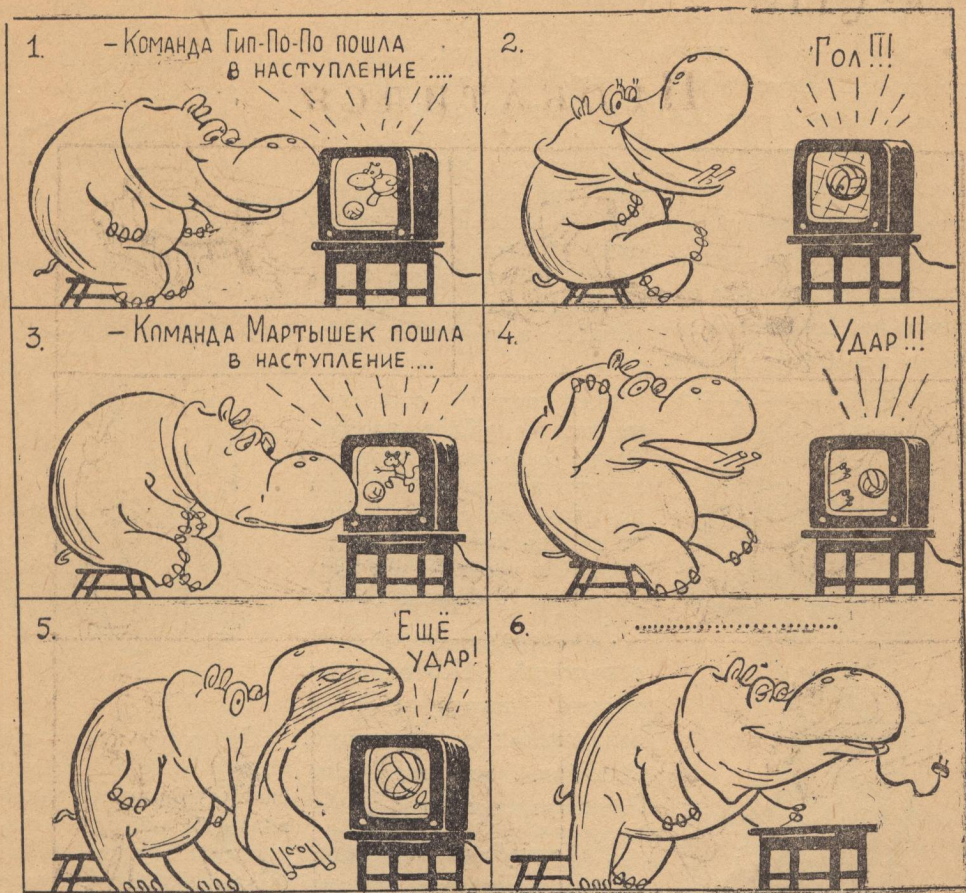

В чужом саду

Гиппопотам-болельщик

Рассказы в рисунках К. БЕКТАШЕВА

Ёж выручил

Конверты разносят привет!

ЗНАЕТЕ ли вы, сколько приходит в наш город писем ежедневно? Очень много: 290 тысяч! Ленинградцы тоже люди общительные, друзей у них немало и поэтому из Ленинграда ежедневно отправляется не меньшее количество писем. Даже большее. На Главном Ленинградском почтамте нам сообщили, что из нашего города во все концы страны уходит 340 тысяч писем. Вот сколько!

На каждое письмо наклеивается марка, — это вы и сами знаете. Марки страны Советов — это не только маленькие красивые картинки. Приглядитесь к ним внимательно, и перед вами одна за другой пройдут картины славной истории нашей Родины, портреты её выдающихся сыновей и дочерей, виды городов, рек, лесов и пашен. Жизнь, труд, борьба нашего народа — всё отражено в почтовых марках.

На одних советских марках вы найдёте изображение событий, происходивших в нашем городе, на других — его виды. Летит по стране конверт с такой маркой и несёт во все концы привет с берегов Невы.

Ленинград — город трёх революций. Поэтому на марках, выпущенных в ознаменование Великого Октября, мы встречаем Ленинград особенно часто.

На одной из них, сделанной по гравюре художника П. Ксидиаса, мы видим Смольный в Октябрьские дни. Вышла эта марка в 1927 году. Пять лет спустя снова выходят марки, посвящённые событиям великих дней: у Финляндского вокзала выступает с броневика В. И. Ленин, на штурм Зимнего дворца устремились отряды красногвардейцев. Рисунки к этим маркам сделали художники А. Суворов и И. Соколов.

Двадцать пятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции наша страна отмечала в трудный 1942 год. Шла Великая Отечественная война. На марках — танковые колонны, идущие на фронт, рабочий, делающий снаряды для фронта, знамёна с призывом: «Смерть немецким оккупантам!» и красные обозы с хлебом. Над обозами — красные знамёна. «Всё для фронта! Всё для победы!» — можно прочесть на них.

По всей стране и далеко за её пределами гремела слава города, несокрушимо вставшего на пути врага. В 1944 году выходит марка, которая называет-

ся: «Город-герой Ленинград». В левой её части изображена медаль «За оборону Ленинграда», а в правой — Нева, в сизой дымке проступает купол Исаакиевского собора, а впереди, на реке, грозно вскинули стволы орудий корабли Балтики.

Письма бойцам на фронт не нуждались в марках, но эту ленинградцы наклеивали на конверт с особой любовью, а войны, бывшие в те дни далеко от родного города, с гордостью показывали её товарищам по оружию.

Навсегда ушли в прошлое годы войны с гитлеровскими захватчиками. Ленинград снова вздохнул полной грудью, залечил раны и стал ещё красивее прежнего. На марках, созданных по рисункам художников Е. Булановой и С. Поманского и выпущенных в 1948 и 1953 годах, изображены: знакомый силуэт Петропавловской крепости, величественная фигура Медного всадника, Зимний дворец, здание Адмиралтейства, Смольный, памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала.

Город наш неразрывно связан с именем великого Ленина. На марках мы видим его то поднимающимся по лестнице Смольного (марка 1953 года), то провозглашающим Советскую власть, то пишущим в своём кабинете первые декреты народной власти (марки 1954 г.).

Есть на марках и картины прошлого Петербурга. В 1925 году страна отмечала 100-летие восстания декабристов, и на марке, выпущенной к этой дате, изображена картина восстания на Сенатской площади (по картине художника Д. Кордовского).

Марки не только несли приветы от нашего города. В трудную минуту они приходили к нему на помощь. 23 сентября 1924 года Ленинград постигло стихийное бедствие — наводнение. Вышла из берегов обычно спокойная Нева, затопила улицы, квартиры. Весь советский народ решил помочь Ленинграду. С этой целью на

марках второго советского выпуска появились надпечатки: «СССР — пострадавшему от наводнения Ленинграду» и «СССР — ленинградскому пролетариату». Тут же стояли цифры 3 к + 10 к, 20 к + 50 к и тому подобные. Первая цифра обозначала стоимость марки, а вторая — надбавку в помощь населению Ленинграда. Продавались эти марки в Москве, Киеве, Тбилиси, Ташкенте, Минске, Владивостоке и ещё в пятнадцати городах.

Многие марки, посвящённые нашему городу, находятся в обращении и сейчас.

В. НИКОЛАЕВ

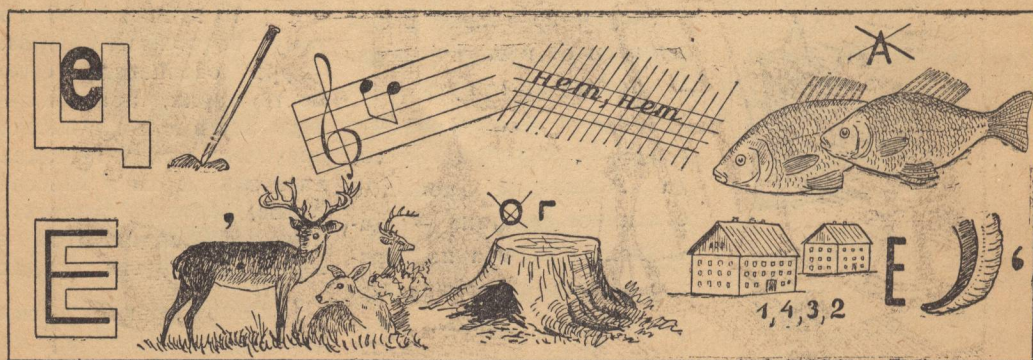
Мастера прошлого

Ленинград — один из самых красивых городов мира. Кто строил величественные дворцы и здания неповторимой красоты, разбивал прекрасные сады, заковывал в гранит реки и каналы?..

Впишите в вертикальные ряды имена великих мастеров прошлого, создателей нашего прекрасного города.

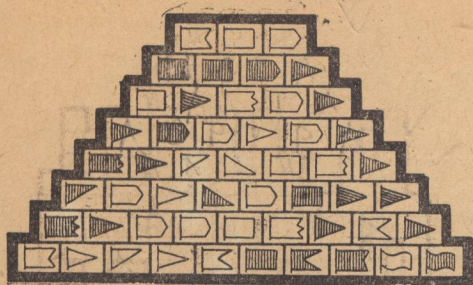
1. Первый строитель Адмиралтейства. 2. Создатель генерального плана Петербурга. 3. Строитель Петропавловского собора, здания 12 коллегий и мн. др. 4. Строитель Нарвских триумфальных ворот. 5. Строитель Таврического дворца. 6. Зодчий, построивший многие здания непревзойдённой красоты; имя его носит одна из улиц нашего

города. 7. Первый строитель Почтамта. 8. Строитель Никольского морского собора. 9. Создатель гранитной набережной Невы и решётки Летнего сада. 10. Строитель Казанского собора. 11 и 12. Строители Михайловского замка. 13. Строитель Каменноостровского театра. 14. Создатель свыше тридцати зданий в Петербурге и его окрестностях, в том числе Эрмитажного театра и здания Академии наук. 15. Строитель Адмиралтейства. 16. Строитель здания Академии художеств. 17. Помощник Карло Росси, строитель Михайловского театра. 18. Строитель дворца Меншикова на Васильевском острове.

Разгадайте ребус — прочтёте слова из песни о Ленинграде.

КИНОТЕАТРЫ

Замените флажки буквами так, чтобы в горизонтальных рядах можно было прочесть названия восьми ленинградских кинотеатров. Во всех случаях одними и теми же флажками обозначаются одни и те же буквы.

ЗАДАЧА-ШУТКА

Какой приток Днепра можно было видеть на улицах нашего города полвека назад?

ПОДУМАЙТЕ!

Все знают, что тень от шара в пространстве представляет собою конус. Сделайте небольшой схематический рисунок — солнце, земной шар и тень от него...

А теперь подумайте над таким вопросом: какую форму должен иметь предмет (например, транспланетный корабль), чтобы он был со всех сторон освещён солнцем и вовсе не давал тени...

Капитан МОРЕХОДОВ

Проверь себя

Ответы на головоломки, помещённые в «Искорке» № 5

ЧАЙНВОРД «ПИОНЕРСКИЙ»

1. Звено. 2. Отряд. 3. Дружина.
4. Артек. 5. «Костёр». 6. Рюкзак. 7. Компас. 8. Салют. 9. Тимуровец. 10. Цепочка.

ОНИ БЫЛИ ПИОНЕРАМИ

1. Кошевой. 2. Смирнов. 3. Чекалин.
4. Голиков. 5. Космодемьянская. 6. Матросов. 7. Громова. 8. Покрышкин.
9. Талалихин. 10. Кожедуб. 11. Морозов.

РЕБУС

Труба зовёт, и голос меди звонкий
Несёт призыв за горы и моря...

ПРАВИЛЬНО ИЛИ НЕТ?

Разгадайте этот ребус. Как вы думаете, правильно то, что в нём утверждается?

СОДЕРЖАНИЕ

Наш Ленинград. Передовая	1
Ленинград, год 1977-й. Беседа с И. И. Фоминым, заместителем главного архитектора города Ленинграда	2
Нарвская застава. Стихотворение В. Чернявского	10
Птичий праздник. Рассказ К. Мазовского	11
Город над Невой. Стихотворение Вс. Рождественского	19
Баллада о пятистах. Стихотворение С. Макарова	20
Пушкинист. Рассказ А. Пунчёнка	22
Главная улица. Очерк Г. Куриленко	28
На катерах. Стихотворение Г. Трифонова	30
Про рыболова Жору и кота обжору. Рассказ в рисунках В. Слыщенко	31
Новый путеводитель по Ленинграду, составленный Аркадием Перепуткиным. Рисунки В. Гальба Стихи В. Суслова	32
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина ..	36
Почитайте, малыши! «Жил-был Огуречик». Сказка Ю. Яковлева	47
Знаешь ли ты, что... ..	53
Дорогой гость. М. Бережнов	56
Прокатился. В чужом саду. Рассказы в рисунках М. Бекташева	58
Гиппопотам-болевщик. Ёж выручил. Рассказы в рисунках М. Бекташева	59
Конверты разносят привет. В. Николаев	60
Клуб смекалистых ребят	62

На первой и последней страницах обложки — рисунки художника К. Бекташева.

На второй странице обложки — песня «Даём пионерское слово» композитора В. Сорокина на слова поэта А. Чуркина.

На третьей странице обложки — «Знаешь ли ты эти памятники?» Зарисовки с натуры художника А. Ушина.

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

Сдано в набор 10/VI. Подписано к печати 26/VI-57 г. Тираж 75.000.
М-28281 Заказ № 856. Формат бумаги 70 × 108 1/16. Цена 1 рубль.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Центр. Фонтанка, 57.

ЛЕНИНГРАДЦЫ

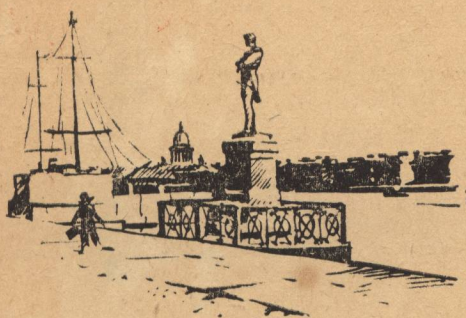
Носит город наш Ленина имя.
Бесконечно мы этим горды.
Здесь Ильич над восставшей
Россией

Поднял знамя священной борьбы.
И когда мы идём переулками
С барабанщиком впереди,
Знаем, — здесь шагами негулками
Сам Владимир Ильич проходил.

Нас встречают заветные здания
И десятки скромных квартир.
Здесь обдумывал Ленин заранее
План, как новый построить мир.
Подрастём,
И страну доверятся
Нам дерзання, мечты и труд.
Мы не только юные ленинцы,
Ленинградцами нас зовут.

И. ЕФИМОВИЧ

Знаешь ли ты
эти
памятники?

Художник А. Ушин рисовал
эти памятники с натуры.

Посмотрите внимательно на
рисунки и ответьте, кто изобра-
жён на этих памятниках.

В честь каких событий воз-
двигнут обелиск, изображённый
на нижнем рисунке.

Цена 1 рубль

